

Валентин Пономаренко

---

*Сборник
рассказов
от Электроника
из Эрмитажа*

Валентин Пономаренко

**Сборник рассказов
от Электроника из Эрмитажа**

«Издательские решения»

Пономаренко В.

Сборник рассказов от Электроника из Эрмитажа /
В. Пономаренко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835036-8

Рассказы о том, как автор работал в Эрмитаже, рассказы о любви в интернете,
рассказы о любви в реальной жизни. Последний рассказ фантастический.

ISBN 978-5-44-835036-8

© Пономаренко В.
© Издательские решения

Содержание

Приключения Электроника в... Эрмитаже	6
Хотя бы на выходные	33
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Сборник рассказов от Электроника из Эрмитажа

Валентин Пономаренко

© Валентин Пономаренко, 2017

ISBN 978-5-4483-5036-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Приключения Электроника в... Эрмитаже Уголовный рассказ

Моим дорогим друзьям, работающим в Эрмитаже, посвящаю

*«– Но... шведская спичка ведь! Мог ли я знать!
– Подавись своей спичкой! Уйди и не раздражай, а то я из тебя чёрт
знает, что сделаю!
Чтобы и ноги твоей не было!
Дюковский вздохнул, взял шляпу и вышел
– Пойду, запью! – решил он, выйдя за ворота, и побрёл печально
в трактир».*
А. П. Чехов, уголовный рассказ «Шведская спичка».

*«Повернувшись к светилу спиной, Земля погрузилась в сон. Солнце
перестало слепить глаза редким звёздам, и они взглянули на Землю.
Их взору открылась Белая ночь Невы, блистающий, в ночной тишине
Эрмитаж, и одинокие Атланты, на сильных руках которых держалось
небо с такими любопытными звёздами».*

Это происходит каждую летнюю ночь!

*«Когда на сердце тяжесть
И холодно в груди, К ступеням Эрмитажа
Ты в сумерки приди, Где без питья и хлеба
Забывшие в веках,
Атланты держат небо
На каменных руках»*

А. Городницкий

Хотите, верьте, хотите – нет, но всё это – сущая, правда!

Как-то, в один из долгих зимних вечеров, когда идти никуда не хочется, дома тепло, а рядом на столе мурлыкает кот, я глубоко сидел в Интернете, выискивая всевозможные новости (приближались выборы), и краем уха улавливал то, что выскакивало из телевизора, в прыгающих каналах, поскольку из пятидесяти доступных, смотреть было совершенно нечего. Каналы переключала жена, они сыпались, как горох, но, каждый раз, взглянув на экран, она двигалась дальше, пока, не раздался голос Максима Галкина. Он вёл программу «Кто хочет стать миллионером?». Пульт остановился, и в комнату стали вливаться вопросы, неправильные ответы, а иногда и правильные. Игроки то выигрывали тысячи рублей, то проигрывали всё до нитки, как, вдруг, был задан вопрос:

«Каким одним словом называется место уединения, келья, приют отшельника, затворничество?». Игроки задумались, засовещались, но правильно ответить не смогли. Жена повернулась ко мне и с лёгкой ехидцей спросила:

– А ты знаешь, что это?

Работай я в своих закрытых институтах по сей день, ни на секунду не меняя место работы, вопрос не имел бы ответа. Но Судьба, уж не знаю почему, очень меня любит, и, нарушая все законы отдела кадров, мартовским, морозным днём, я, специалист по приборам межпланет-

ных станций и космическим телескопам, устраивался на работу в... Государственный Эрмитаж – один из красивейших и богатейших музеев Мира. Место, в истории нашей несчастной страны до того, поистине, историческое, что любая мало-мальски значимая дата, а уж значимая, тем более, так или иначе, исходила, как раз, из этого здания. Либо вбегала в совсем маленькую дверь, со стороны Дворцовой площади, изменяя, не только политический строй, но и всю жизнь государства Российского. Что чуть позже назовут Великой Октябрьской Социалистической Революцией!

Так вот, ответ на вопрос Галкина, имел единственно правильное значение – этому месту уединения и приюту отшельника отвечает лишь одно маленькое французское слово «hermitage». Что и сотворила Екатерина II, задавшись благородной целью – собрать в этой келье огромную коллекцию живописи и скульптуры, что с успехом продолжили её потомки, значительно позже открыв всё это для всеобщего обозрения и родив, тем самым, великолепное чудо, под названием Эрмитаж!

Однако хочу предупредить, что на самом деле, никаких кадровых законов я не нарушал. Будучи величайшим музеем, с мировым именем, являясь центром мировой живописи, скульптуры, архитектуры и археологии, этот царский дворец, как и всё ценное и бесконечно бесценное, находясь под охраной государства, требовал опытных инженеров. Они обслуживали огромную сеть современной электроники, защищающую красоту от посягательств на национальное достояние, достояние республики и нашу гордость, ибо алчущих богатства, как всегда и везде, было, есть и будет в избытке.

А поскольку я хорошо разбирался в современной электронике, оптике и телевидении, то и устраивался в службу главного инженера Эрмитажа – Отдел электронной техники, сигнализации и связи на должность «Инженера – Электроника»!!! Удивляетесь? Да, так в отделе кадров музея называется должность, которая в научных институтах, да и на заводах, всё-таки, зовётся «Электронщик». Как я туда попал, вопрос особый – по знакомству, но это мелочи. Чего только не случается в нашей удивительной стране!

Итак, Отдел электронной техники, сигнализации и связи...

Государственный Эрмитаж, будучи музеем, с мировым именем, является, также, мировым центром научной и культурной мысли. Это только кажется, что вся наука улетела в физику, химию, астрономию и биологию. А в музеях тишина, туристы да дремлющие зрители. Нет, дорогие друзья. Мировая культура, вплоть до самого маленького музея, ведёт, не менее, огромную научную работу. Изучаются живопись и скульптура, откапываются и анализируются культурные ценности прошлого и настоящего, идёт реставрация и экспертиза всего того, что человечество создавало веками, доказывая свой скачок от до разумной жизни в мир разума, а этот разум уже в каменном веке создавал шедевры, соизмеримые с шедеврами Эпохи Возрождения. И научные открытия в области культуры, порой, равноценны открытиям на уровне атомного ядра или посадкой автоматических станций на далёкие планеты.

Но это ещё не всё. В старом документальном фильме об Эрмитаже прозвучали прекрасные слова: «Сотрудники Эрмитажа – это люди особые!». Как прав был автор сценария. Да, это люди особого склада, особых мыслей и особой жизни.

В одном из моих рассказов, я описываю чувства астрофизика, уносящегося через окуляр телескопа в глубины Вселенной:

«В окуляр телескопа он смотрит не для того, чтобы открыть новую звезду. Он смотрит в черноту космического пространства, ощущая его бесконечную глубину не просто сознанием профессионального астрофизика. В эти минуты он сливается с огромной Вселенной всем своим телом, и растворяется в каждой его звездочке. Он сам становится Вселенной.

Очевидно, астрономы – это люди, не от Мира сего. Простой человек, представив себе бесконечность космической пустоты, обязательно сойдет с ума. Астрономы не сходят. Они

умеют прятать эту бесконечность в глубине своего мозга, нисколько не рискуя попасть в дом, откуда не убежишь».

Вот таковыми являются и сотрудники Эрмитажа. Они идут на работу, не для того, чтобы отсидеть положенные восемь часов, а чтобы слиться с великой красотой, раствориться в его картинах, залах и скульптуре, войти в каждый бриллиант чуда и стать частью самого музея, нисколько не рискуя попасть в дом, откуда не убежишь. Они сами становятся Эрмитажем. Да, эти люди не от Мира сего!!!

А уж директор музея, вообще, особый человек. Это настоящая династия, потомок выдающегося учёного – археолога, египтолога с мировым именем, Героя Социалистического труда, в прошлом тоже директора Эрмитажа – Бориса Борисовича Пиотровского. Михаил Борисович – академик, учёный, истинный патриот России, для которого Эрмитаж с детства был родным домом, родными для которого, стали и все его сотрудники.

Что касается патриотизма, то в эпоху для нас, не столь достопамятную, один высокопоставленный чиновник от бескультуры, с пеной у рта, пытался доказать, что импортное мыло съедобно... (прошу прощения). Он утверждал, что мы просто обязаны вернуть картины и гравюры, да и золото Трои, вывезенные в конце второй мировой войны из Германии и хранящиеся в Эрмитаже и в Москве, их хозяевам. Что вызвало горячую дискуссию в нашем и европейском обществах. Но только весомый голос Михаила Борисовича Пиотровского, остановил это безобразие. Картины решили не возвращать, как и сокровища Шлимана. Однако, будучи чиновником высокого ранга, сей господин, всё же закатил директору Эрмитажа выговор.

Что по этому поводу можно сказать? Да ничего. Семье Пиотровских к этому не привыкать. Как рассказывали мне эрмитажные старожилы, давным-давно, стоя на Советской лестнице (это в честь Государственного совета, а не Советской власти), молодая инструктор райкома партии, отчитывала Борис Борисовича, и это в присутствии многих сотрудников, за слабую партийную работу в Эрмитаже.

Что же до того чиновника, то он, очевидно, не знает, что сотворили фашисты с пригородами и самим Ленинградом, сколько разграбили музеев и дворцов, чего стоит, хотя бы, «Янтарная комната». Он не знает, как везли по Невскому возрождённого Самсона, и город встречал его, как встречал только Юрия Гагарина.

А уж если вспоминать войну, то при всех политических и военных просчётах, к войне готовились и готовились основательно. Когда фашисты, в считанные дни захватили Париж, руководство страны сделало правильный вывод, и очень скоро началась подготовка к эвакуации культурных ценностей, в случае нападения Гитлера на нашу страну.

И когда на Зимнюю канавку у стен Эрмитажа пришвартовали баржу с песком, а в подвалы музея начали складировать деревянные цилиндры для наматывания на них холстов да деревянные и металлические ящики, то многие сотрудники называли это паникёрством.

Но 22 июня вся предвоенная подготовка пришла в движение и началась работа, которая чуть позже переросла в такую великую эвакуацию, которую ещё не знала история человечества.

Специальная комиссия решала, какие картины снимать с рамок и укладывать в ящики, а какие наматывать на цилиндры. Двух Мадонн да Винчи и одну Рафаэля уложили, не снимая. Огромного «Блудного сына» Рембрандта не тронули и увезли в золоченом багете. А особую кладовую! Несколько женщин закрыли в её помещении, и пока они не упаковали золото и бриллианты, не выходили несколько дней. А потом – долгая дорога, хотя и литерным, в Свердловск...

Ну да, Бог с ними, с чиновниками и инструкторами. Наша страна всегда отличалась политическими и кадровыми парадоксами.

Так вот, прочитав эти строки, ты, дорогой читатель, нисколько не усомнишься в том, что сотрудники электронного отдела, являясь неотъемлемой частью Эрмитажа, тоже были людьми особыми.

В ту пору отделом руководила прекрасная женщина. Красивая и жизнерадостная, дружно сплотившая своих подчинённых. Её всемирно известная фамилия, будто специально была введена Пушкиным в «Онегина», хотя теперь я уже сомневаюсь, кто кого создал. Толи Александр Сергеевич – свою Ларину, толи Ларина, работающая в Эрмитаже, послужила прообразом его Татьяны? А ведь Пушкин часто бывал в Зимнем дворце. Правда, нашу Ларину звали Наталья Николаевна, но вот свою дочь она, не раздумывая, назвала Татьяной. Ведь, грех, не воспользоваться такой фамилией.

Моё, до эрмитажное прошлое, было связано с инженерными и научными коллективами. А всем известно, что в любой профессии, каковых в мире несметное количество, существуют устоявшиеся обычаи, свой, специфический профессиональный диалект, определённые, сложившиеся десятилетиями отношения. Специалисты одной профессии всегда поймут друг друга, в пять минут договорятся, решая ту или иную задачу. А это значит, что любой человек, вылетая из привычной для него атмосферы и попадая в совершенно иной мир, будет всегда чувствовать себя не в своей тарелке. Он долго будет считать себя изгоем, с трудом вливаясь в новые условия и коллектив, чтобы потом, через годы, стать своим и на равных делать общее для всех дело.

Со мной ничего подобного произойти не могло. Даже если не считать характера и способности в считанные дни, без проблем вливаться в любой коллектив. То вливался я... нет, не на полную пятнадцать, как говорил милиционер Басов прорабу Пуговкину, а на полные восемь лет, в коллектив, не менее родной, чем все прошлые. В отдел инженерный, а инженерные отделы, они и в Африке – инженерные. И, учитывая тот факт, что люди, работающие здесь, были к тому же и особенными, то меня приняли с большой любовью, которую я возвращал все годы нашей совместной работы.

Да, люди здесь работали прекрасные, женщины – красавицы, ребята высококлассные специалисты. Ведь именно от инженеров, в огромной степени, зависела безопасность всех сокровищ, а их по описи, накопилось более трёх миллионов. И если человек, посещая Эрмитаж, поражался не только великолепием, но и бесконечностью выставленных красот, то могу ошарашить – это только три процента, а остальные девяносто семь, лежат в запасниках. Теперь Вы представляете масштабы Вселенной, под названием Эрмитаж?!

Уже через полгода я был знаком, как минимум, с половиной сотрудников, а всего их более двух тысяч, ведь наш отдел имел доступ во все точки музея, а значит, контакт с людьми был неизбежен.

Дотошные посетители, да и друзья за пределами Эрмитажа, неоднократно задавались вопросом: «Неужели Вы так свято верите в электронику? Ведь отказывает всё, а тут несметные сокровища». На что я всегда уверенно отвечал:

«Успокойтесь, ребята, Вы пройдитесь по залам и обратите внимание, сколько сотрудников милиции дежурят в их тихих уголках, а это специальный батальон. Так вот они всегда сумеют заменить любой электронный прибор.

Автомат Калашникова и пистолет Макарова ещё никто не отменял, а безотказность стрельбы гарантируют их великие конструкторы!!!».

Ну, и заканчивая вводную экскурсию по Эрмитажу, ответу на вопрос: «А далеко ли от здания Зимнего дворца находится ближайшая пожарная часть?». Думаю, далеко. Потому, что та часть, что бережёт музей от огня, находится внутри самого Эрмитажа и в любой момент, мгновенно, исполнит свой долг перед Родиной!

Ведь Зимний, однажды, уже горел и сторел дотла (Эрмитаж, правда, спасли). Случилось это в декабре 1837 года. И тот подвиг, что совершили солдаты, сохранив для потомков сокро-

вища дворца, отдав при этом многие свои жизни, в какой-то мере, сопоставим с подвигом Эрмитажа в годы блокады, что и позволяет нам любоваться красотой уже третью сотню лет.

Тогда, в тридцать седьмом, роковом для нашей страны году, солдаты успели вынести все сокровища на Дворцовую площадь, недосчитавшись только одного серебряного кофейника. Честь им и хвала за это!

А вот российскому царизму – позор. Это он допустил, чтобы в начале того же, рокового года: «Погиб поэт, невольник чести... угас, как светоч, дивный Гений». И когда другой Гений, словами Бога написал: «Но есть и Божий суд, наперсники разврата! Есть грозный суд: он ждет; он не доступен звону злата...», кара не заставила себя долго ждать. Думаю, именно за смерть поэта, Господь и сжёг Зимний дворец... Ведь гениальностью одаривает только Он!!! А Гениев можно сосчитать по пальцам.

...Однако жизнь невозможно повернуть назад!!! И время ни на миг не остановишь. Вернёмся из прошлого в настоящее.

Итак, Отдел электронной техники, сигнализации и связи.

Отдел состоял из нескольких секторов – сигнализации, связи, пожарной сигнализации и видеонаблюдения. Вот в сектор видео я и попал. То, что в отделе работали высококлассные инженеры, я уже писал, но это только общие слова. Ведь, кроме инженерного долга, все они свято соблюдали долг перед Отечеством – беречь народное достояние. И хотя в жизни случаются всякие выбросы, а, бывает, и отбросы, наши люди, не имея возможности ездить в булочную на такси, даже в мыслях не могли себе позволить что-либо украсть из Святого для каждого русского человека музея!!!

Я работал в лучших научных институтах, в их прекрасных коллективах. Но здесь, в исторических для нашей страны, да и для всего Мира местах, где, куда ни ступни, повсюду видятся то императоры, то их убийцы, то фавориты, то Распутин, пьющий свою любимую «Мадейру». Или бегущие матросы и солдаты, и это в каждой ступеньке и на каждом миллиметре паркета, я встретил коллектив, впитавший в себя, как лучшие инженерные традиции, так и высокую культуру главного дворца России!!!

А если отвлечься от высокопарных слов, то эти простые петербуржцы были молоды и счастливы, в жизни они были такими же жизнерадостными, как и вся молодёжь. Они любили и выходили замуж, гуляли по Невскому, бегали на танцы, всю ночь топтались на набережной в «Алые паруса» и мокли на Дворцовой, слушая зарубежных звёзд.

Бывало, выпивали, но это было, скорее исключением. Однако если требовалось срочно приехать на работу – сработает сигнализация в выходной, зальёт ли в наводнение эрмитажные подвалы, они, бросая всё, неслись через весь город и честно делали своё дело, понимая, что это их Долг!!!

Но, работая самозабвенно, а часто и по выходным, наши люди умели и прекрасно отдыхать. Уж этого у них было не отнять. Я был знаком со многими отделами музея, их сотрудниками, но ни один отдел не мог сравниться с нашим в крепкой дружбе, взаимном уважении и умении дарить себе и другим счастье работать в таком прекрасном коллективе. Мы всегда отмечали дни рождения, государственные и личные праздники. Дарили подарки и подолгу сидели за праздничным столом, ведя разговоры на такие запредельные темы, что попади к нам посторонний человек, он мог бы только, раскрыв рот, впитывать всё это, удивляясь широте праздничного размаха.

Однако самым незабвенным моментом на праздниках была музыка. Вся эрмитажная электроника, концентрировалась в нашем отделе, а значит, и танцевали мы под грохот суперсовременной аппаратуры, уже тогда используя компьютерную технику.

Был у нас и свой отдельческий гимн!!! Это «Электричка» Алёны Апиной: «...Он уехал прочь на ночной электричке...». Все танцы начинались этой песней и ею заканчивались.

Часть отдела размещалась в полуподвале Эрмитажа, сияя огнями маленьких окон у асфальта вдоль дворца. И гуляющие в это время случайные прохожие, каждый раз удивлялись: «Чего это так надрывается Апина со своей электричкой, если рядом с Эрмитажем никогда не проходила ни одна железнодорожная ветка?».

Но только мы одни знали – куда уехал он на ночной электричке... А уехал он... – Прочь!!!

И каждый раз, собираясь домой, кто –нибудь из сотрудников обязательно произносил болезненные для нас слова: «Ну почему Анна Иоанновна была так недальновидна? Неужели трудно было заложить Зимний дворец рядом со станцией метро «Невский проспект»?

И теперь, в праздничном и усталом настроении, мы вынуждены топтать целый километр, чтобы нырнуть в метро и разлететься по своим домам. Да, одно слово – женщина!!!».

Разве могла она представить, что пройдут столетия, и люди будут ездить под землёй? Не могла. А вот подбрось эту идею Петру I, он не раздумывая, заставил копать метрополитен. И будьте уверены, что очень скоро, через какой-нибудь год, кургузые лошадки тащили под землёй первый в мире поезд из телег от Петропавловки до Невской перспективы!!!

Но самым дорогим был Новогодний праздник. В отделе ставили ёлку, накрывали столы, женщины блистали нарядами и сногшибательной красотой. А какие красавицы у нас работали!!! К нам подтягивались многие друзья из научных отделов. Обязательным гостем был Богданов Алексей Валентинович – главный инженер. Имея в подчинении несколько служб, он всегда отличал электронный отдел от всех остальных, который для него самого был просто родным. Ведь вышел он из его глубин, сохранив такое же глубокое уважение к его сотрудникам.

В определённое время все отделы музея собирались в столовой, где Михаил Борисович выкатывал огромный торт, разрезал его на множество кусочков, чтобы торжественно раздавать собравшимся. Продавалось шампанское, звучала музыка и были танцы до упаду!!!

Как я уже писал, отдел располагался в углу здания Эрмитажа, между Невой и Зимней канавкой. Но места не хватало. И, однажды, наш сектор переехал на Миллионную улицу, в здание, принадлежащее музею. Эта улица одним концом упирается в Эрмитаж и Дворцовую площадь, нежно касаясь Атлантов, а другим, тоже упираясь, но уже в Лебяжью канавку Летнего сада, отделяя Марсово поле от набережной Невы.

Как и всё, что окружает Зимний дворец, Миллионная полна истории города и страны. Когда Пётр начинал строить новую столицу, в этом районе селились немцы, и улица называлась Немецкой, потом Луговой – нынешнее Марсово поле было лугом, а окружающие земли – приютом убогого чухонца. Но по мере заселения, здесь строились богатые люди, рядом царский дворец, и улица приобрела современное название.

Но был у этой улицы и советский период. А значит все, кто боролся с царизмом, считались людьми почитаемыми, а уж убийцы тем более. И улицу назвали именем народовольца Халтурина, который долго проносил в Зимний дворец динамит, и, наконец, рванул. Но царь остался жив. Правда, через год и месяц Александра II всё же убили, а Халтурина и иже с ним, повесили.

В связи с этим, приведу интересный исторический факт – старший брат Ленина тоже пытался убить царя, но сам Ильич пошёл совсем другим путём, хотя уж кто-кто, а будущий вождь прекрасно понимал значение личности в мировой истории. И то, что политическое убийство, порой, может в корне изменить историю не только одной страны, но и всего Мира, Ульянов знал не понаслышке. Ведь это Ленин, однажды, сказал: «Если Столыпину удастся осуществить свои реформы – большевикам в России делать будет нечего!».

Но Столыпин убили, и история всего Мира пошла именно другим путём!!!

Вот только для нашей страны этот путь оказался до крови тернистым.

А уж если касаться роли личности в мировой истории, то в нашем городе далеко ходить не надо. Не родись такая личность, как Петр I, не было бы ни наших побед, ни сильной России,

да и (аж страшно подумать) такого города, как Санкт-Петербург. Ну, построили бы у Финского залива городок на уровне Азова, и не больше...

Однако для нас Миллионная улица будет интересна не историческими справками, а вполне современным полу подвальчиком, в котором расположилось уютное и вполне респектабельное кафе «Бочка». Несколько ступенек вниз и мы оказывались в двух сумрачных залах, в которых стояли длинные столы, у входа – барная стойка, официантки, огромный выбор напитков, холодные и горячие закуски, и отвечающий названию кафе волшебный напиток. Ведь для русского человека слово бочка ассоциируется с единственным следствием перебродившего хмеля – это с пивом. Я пиво не люблю, в далёком прошлом предпочитал водку. Но, иногда, снимая пробу с высокого, полулитрового бокала, с рвущейся наружу пеной, я понимал, что меня не зря тащили именно в «Бочку», где этот золотой напиток, уж очень отличался от всего, что продавалось в радиусе пятиста метров от четырёх ступенек, ведущих вниз.

Кафе находилось в двух шагах от нашего отдела, и мы, не скажу, что часто, ныряли в полумрак мигающих огоньков, чтобы посидеть и поболтать, а друзей из музея всегда было в избытке, что доставляло не меньшее удовольствие, чем угощение устрицами на картинах «Малых голландцев».

Голландцы голландцами, но я работал с русскими ребятами, которые хотя и не были художниками, но своё дело знали прекрасно. В секторе нас было трое. О себе я уже писал, расскажу о двух других электрониках.

Заведовал сектором Николай. Его путь в музей чем-то напоминал мой и являлся прямым следствием неудачной перестройки генсека Горбачёва.

Коля окончил Ленинградский институт авиационного приборостроения и ушёл служить в армию офицером, в войска противовоздушной обороны. А это значит, что, защищая мирное небо страны, он мог своими ракетами сбить любого нарушителя, чем и гордился все годы боевого дежурства. Но тут грянула перестройка и пошли взрываться атомные станции да тонуть круизные лайнеры. Разваливался государственный строй, а вместе с ним и наша Красная армия.

И как-то, в один из тёплых дней, а точнее, в День пограничника, локаторы засекли воздушного нарушителя. Он летел очень низко, был легкомоторным самолётом, и, пролетая над майором Николаем, вежливо покачал ему крыльями. Майор мог спокойно его сбить, пальнув из пистолета Макарова, но приказа не было, и немецкий хулиган мирно проследовал на Красную площадь Москвы.

Как следствие столь удачной мягкой посадки – полетели генеральские, полковничьи и другие погоны. Но Коля не стал дожидаться этого снежного кома, а подал в отставку и вернулся в свой родной Ленинград. Он устроился на работу в НИИ телевидения, а потом... в Государственный Эрмитаж. Вот так Армия потеряла боевого офицера, а Эрмитаж приобрёл прекрасного инженера!

Третьим электроником был Виктор. Настоящий семьянин, отец двух сыновей, он в своей специальности не имел себе равных. Это был телевизионный асс, мастер, который ремонтировал телевизоры всему Эрмитажу, да и половине города тоже. Даже я, в своё время халтуривший таким же ремеслом, вызывал Витю. Я мог наладить любой телевизор, но на это уходило много времени, а Витя, заглянув в ящик, или измерив тот или иной сигнал, в считанные секунды находил неисправность и запускал чёрный экран всеми цветами радуги. Это и была наша инженерная тройка.

А теперь, дорогой читатель, ты вправе спросить: «Так чем же занимались эти три инженера, если пришли в Эрмитаж разными путями, имели разное высшее образование, и, спустившись с заоблачных и космических высот на бrenную землю, очутились в императорском дворце, о котором не могли мечтать даже в сказочных снах?».

Как чем? Устанавливали охранные телекамеры во всех залах и галереях Эрмитажа. Настраивали и передавали службе безопасности. Но это так – цветочки.

Эрмитаж – живой организм, в коридорах и залах которого пульсирует алая жизнь российской культуры. Она бьёт ключом, разливаясь в выставках и научных конференциях. К нам приезжают высокопоставленные гости, спонсоры и меценаты. Идёт обмен шедеврами с лучшими музеями мира. Любое событие стократно отражается прессой и телевидением. Арендуются залы Меншиковского дворца и самого Эрмитажа. Восстанавливаются и реставрируются, выставляются и пропагандируются произведения искусства, десятилетиями ожидавшие своего звёздного часа в запасниках. А их там несметное количество. И так каждый день и год, без остановки на «Потом...»

К чему это я? Ах да, к тому, что именно наш сектор обеспечивал все эти мероприятия звуковой аппаратурой. Выказаться хочет каждый, да не просто прошептать, а заявить свою мысль на весь зал, галерею, лестницу, музей!

А президенты и премьеры, принцы и принцессы? А художники и скульпторы, критики и специалисты, способные даже ерунду представить, как мировой шедевр, и каждый тянется к микрофону, да чтобы качество звучания смогло передать всю глубину и широту их умнейших мыслей. О, это стоит слушать, запоминать и мотать на ус...

Один Михаил Борисович наговорил столько, что превзошёл Шекспира раз в десять. Но это его обязанность. Это он встречает гостей, открывает выставки, представляет художников и мировые шедевры, возможно, впервые покинувшие свою родину. А уж после его вступительных слов начинают высказываться все, кому не лень.

Конечно, если приезжает президент или премьер министр, то слышна только их речь, но тут ничего не попишешь. И звучать это должно, как в «Ла Скала» или в «Ла – Монета»... э, нет, это не то, там звучали автоматы. Как в Большом Москвы или Мариинском Петербурга. На худой конец..., как во Дворце съездов. Сбои недопустимы.

Как видишь, дорогой читатель, наша жизнь протекала в красоте полотен величайших художников, золоте и бриллиантах, приёмах и ярчайших выставках. Мы были в центре всех событий, что происходили в Эрмитаже, внимательно слушали всё и всех, кто имел честь посещать и любоваться величайшим музеем страны. И если кто-то считал, что это он украшает музей своим посещением, то уж мы – то знали: они пройдут, улетят и исчезнут, растворившись в немой бесконечности веков, а Великий Эрмитаж, как стоял, так и будет стоять, ни перед кем не склонившись и не став на колени. Потому что, в отличие от многих – он Велик и таковым останется навсегда!

А теперь представьте себе ситуацию: Вы ездите по всему миру, любуетесь красотами, соизмеримыми с садами Семирамиды или белизной Тадж-Махала. Вы стораеете у пирамид Египта, а через месяц не можете оторвать глаз от Джоконды. И всё это длится годами, хотя в эти моменты Вы совершенно не думаете о секундах, оттуда, свысока. Вы же соприкасаетесь с великим и прекрасным. Но проходит время и приходит понимание того, что эти счастливые секунды пронеслись, как пули у виска, и где они ушедшие мгновенья? Не думай о секундах свысока...

Но думать надо, и не просто думать, а, взяв в руки фотоаппарат или видеокамеру, снимать и снимать, отматывая километры плёнки, и гигабайты памяти, чтобы потом, через год, десять, а может и сто двадцать, достать, включить и вспомнить всё. Ну, не Вы, так Ваши дети или внуки...

Мы тоже в какой-то момент, вдруг, поняли, что жизнь уходит, а вместе с ней – и неповторимые мгновенья, что наступит день, когда всю эту убегающую красоту будут созерцать другие, а нам останется лишь память, но память коротка и субъективна, как и всё искусство. Ведь искусство создаётся разумом, а значит, понять и оценить его способен только такой же разум. И ни один компьютер, никогда не сможет сказать: «Как прекрасны эти слова: – Я помню

чудное мгновенье, передо мной явилась ты... , как Гений чистой красоты! Или: – Вы всмотритесь в мадонну Литту, что может быть прекраснее этой женщины и её младенца!!! Их создавал Гений!».

Разбредив подобные мысли в своих душах, мы, недолго думая, упали к ногам руководства отдела и вымолили первоклассную видеокамеру по международной кличке «Panasonic»! И этот «Panasonic», в один миг, превратился в маленькую Машину времени, правда, путешествующую только в прошлое, но именно для этого мы её и покупали.

Когда-то, давным-давно, угрохав все заработанные деньги от первого студенческого отряда, я купил японскую кинокамеру. С тех пор моя пролетающая жизнь превратилась в бесконечный кинофильм, в котором всё прошлое оставалось навсегда, а будущее завершилось с научно-технической революцией, похоронившей любительские кинокамеры и родившей восхитительное Видео!

Знаешь, дорогой читатель, можно раскопать любое генеалогическое дерево, вплоть до монгольского ига, но, не имея в прошлом «Великого немого», мы никогда не сможем пролистать мытарства наших предков по кадрам, по-настоящему поняв их жизнь, закрученную тугой спиралью ДНК. И очень часто, просматривая свои фильмы, я сожалел, что мои родители, мои бабушки и прабабушки, а также всё уходящее к далёкой Киевской Руси, не имело простой технической возможности запечатлеть свою историю и через тысячи лет показать всё это юным потомкам.

И вот теперь, работая в Эрмитаже, я старался наверстать мгновения, упущенные нашими предками, хотя они об этом даже не задумывались. Им было не до будущего. Они жили настоящим, а оно, очень часто заставляло думать только о куске хлеба, хотя, как знать, как знать. Ведь для многих и сейчас этот кусок является главным. Уж такова наша жизнь.

Вернёмся в Эрмитаж. Поскольку наш сектор устанавливал микрофоны на всех событиях культурной жизни музея, то большую часть хроники снимали мы. А значит, находясь в эпицентре, «Panasonic» фиксировал то, что даже вездесущие телевизионщики не могли урвать для своих сенсационных репортажей.

Но кроме событий официальных, мы снимали наши праздники, жизнь отдела, и эти кадры оказывались, порой, не менее дорогими, чем визиты президентов или показ мировых шедевров.

Однако случались события, которые многих заставляли плакать. Представьте себе средние века, мастерская художника, и уже готовая картина. Это великий Рембрандт любит свою, только что законченную Данаей. О, как бы он хотел покорить и восхитить мир бесценным (в будущем) шедевром. Но мир средневековен, дик и жесток к человеческой красоте. Бдительно несёт службу Святая инквизиция. Нельзя выставлять обнажённое женское тело на показ грубой, верующей толпе. Хотя именно эта картина писалась только для себя. И Данаея на многие годы прячется в подвал. Проходят столетия, человечество, наконец, осознаёт величие картин Рембрандта, и «Данаей» уже любит весь мир. А сама она украшает один из величайших музеев мира – Эрмитаж. Но средневековое проклятье наступает её уже в двадцатом веке и слуги инквизиции в образе диких варваров и вандалов режут дочь Акрисия ножом и обливают серной кислотой.

Красавица Данаея снова прячется на многие годы. Плачет она, плачет культурный мир, плачут реставраторы. Двенадцать лет над картиной бьются лучшие умы и руки.

И вот вспыхивает миг, когда картина снова оживает перед человечеством. Не сомневаюсь, что подобные мгновения – такая же редкость, как вспышка сверхновой звезды, да и увидеть это уникальное явление смогут очень немногие. Нам посчастливилось созерцать всю эту красоту и снять её на камеру от первого мгновенья до последнего. Ведь никто не знает, что может произойти завтра или через век. А средние века – вот они, льются из всех телевизионных каналов. Гадалки, колдуны и экстрасенсы. Средневековая ересь стала нормой нашей

жизни. Астрологи, как во времена Джордано Бруно и Галилея несут в умы наших людей инквизиторскую ахинею, а люди верят. И кто знает, не случится ли повторение дикого прошлого, и на Дворцовой площади, как четыреста лет назад на площади Цветов в Риме, запылает костёр, сжигающий нового Джордано, а, наглотавшись смерти, разъяренная толпа бросится громить красоту человеческой цивилизации. И не дай Бог, повторить нам «подвиг» Ирака, который в одну ночь разграбил все свои музейные ценности. Теперь иракцы любят льющуюся кровью, а их сокровищами любят американские коллекционеры, смеясь над чужой человеческой глупостью. Так что, упасть в средние века можно в любом веке.

Ладно, не будем о мрачном...

Итак, в один из летних дней, конца девяностых, нам сообщили, что Эрмитаж посетит Президент страны – Борис Николаевич Ельцин. Для нас это было обычным явлением, в отличие от явления Христа народу, и мы приступили к отработанным до мелочей, но не сложным мероприятиям, по подготовке аппаратуры, которая будет стоять рядом с первым лицом государства. Это первое лицо брало под патронаж Государственный Эрмитаж, и в Большом Тронном зале намечалось подписание сего важного документа.

Для нас, озвучивание подобного мероприятия – ерунда, а вот для руководства музея, протокольной команды Президента да его личной охраны, любой визит – дело не шуточное. Начну с того, что люди, подобного ранга, попадают в Эрмитаж не как все: через двор, а дальше по Иорданской лестнице и вперёд – по залам. Нет. Хотя... случается и такое. В музее есть несколько дверей и ворот, через которые можно войти внутрь дворца. Через одни входят посетители, через другие – сотрудники. Въезжают машины и заходят иностранцы. Однажды, в маленькую дверь вбежали матросы и солдаты, да так и остались там, на целых семьдесят лет.

Однако у Эрмитажа есть ещё одна очень важная дверь. Дверь, которая охраняется не людьми. Её охраняют Боги. И берегут они не только вход, но и весь Мир. На своих гранитных руках они держат огромное небо! «Из них ослабнет кто-то, и небо упадёт».

«Но жить ещё надежде
До той поры, пока
Атланты небо держат
На каменных руках».
Зовут Богов – Атлантами.

Это сегодня Атланты встречают высоких гостей, а до середины двадцатых годов прошлого столетия они встречали простых людей, ведь именно здесь был главный вход в музей (в соседнем подъезде жила царская семья). Место, где стоят Боги, называется портиком и является красивейшим подъездом великого Эрмитажа. Влево и вправо от портика уходят два пандуса, по которым в царские времена заезжали и съезжали кареты, а сегодня – правительственные автомобили. Цивилизация движется вперёд, и только Атланты застыли в веках!!!

Давайте немного пофантазируем. Завтра, в полдень, приезжает Борис Николаевич. У нас есть сутки, чтобы осмотреть залы и лестницы, которые прописаны в протоколе. И к тому времени, когда Президент страны двинется от Атлантов вглубь всемирной красоты, сопровождаемый своей «Золотой Ордой», мы уже прекрасно будем знать: Что, Где и Когда!

Итак, полдень, автомобиль Президента въезжает по пандусу на портик с Атлантами и, минуя шестнадцатиколонный вестибюль, гостей принимает большая Парадная лестница, чем-то напоминающая Потёмкинскую Одессы – так она величественна (да и строились обе в одно время), и не спеша (президент уже болен) гости поднимаются во второй этаж.

Красная ковровая дорожка, устилающая ступени, уносит нас в небеса, где находится неземная красота, сотворённая руками гениев. Торжественен и нетороплив ритм ступеней Парадной лестницы Нового Эрмитажа. Искусственный мрамор стен отливают золотом. Дневной свет, льющийся из окон второго этажа, прекрасно освещает пространство, подчеркивая

глубину перспективы трехмаршевой лестницы с параллельными рядами колонн серого гранита.

Двадцать колонн украшают верхнюю галерею. Ажурные чугунные решетки потолка смягчают строгость архитектурного решения лестницы. Мы поднимаемся вверх и поражаемся красотами европейской скульптуры и русских камнерезов. Несколько шагов, и перед нами одно из красивейших мест музея – Галерея истории древней живописи.

Каждый раз, просматривая сюжеты, изображённые на её стенах, вспоминаешь мифы древней Эллады, прочитанные ещё в далёкие школьные годы. Но то, что убегает в обе стороны от нас, заставляет прочувствовать эти легенды уже вживую. Возможно, итальянец Канова в детстве прочитал своего земляка Апулея, как Шлиман – Гомера, и заболел сказкой об Амуре и Психее на всю жизнь.

Для тех, кто Апулея не читал, советую вспомнить «Аленький цветочек» Аксакова. Это русский вариант сказки.

Ну что же, немец Шлиман, руководствуясь почти религиозной верой в собственную правоту и великолепную, варварскую самоуверенность – находит золото Трои. А Канова, правда, задолго до Шлимана, но одарённый божественным талантом, берёт и вырубает свои мечты из мрамора, тем самым, приобретая мировую славу великого скульптора, одаривая нас неземной красотой!!!

И, как Ваш личный экскурсовод, я продолжаю:

– А теперь посмотрите направо, Вы созерцаете красоту женского тела всего в трёх его возможных вариантах, других – быть не должно!!! Перед Вами «Три грации», которые Канова представил Миру, как идеалы женского совершенства.

... (Ножка Золушки из той же серии).

Мы пересекаем галерею и вливаемся в анфиладу из трех огромных залов с «верхним светом». Эти залы, со стеклянными потолками и обширной гладью стен, рассчитаны на развеску самых больших полотен коллекции.

Кстати, когда-то здесь красовались «Последний день Помпеи» и бирюза морей Айвазовского. И хотя застекленное пространство невелико, и для коротких северных зимних дней освещение недостаточное, более ста лет тому назад сам замысел осветить картины рассеянным светом сверху, представлял собой прогрессивное новшество и свидетельствовал о понимании требований, предъявляемых к музею. Это Большой просвет. Сворачиваем налево и входим в просвет Испанский – в зал, значительно уступающий предыдущему по величию, но если Вы знаете Библию, то Вам – именно сюда.

Опять говорю: «Великий!», но это так и есть. Он велик – испанец Мурильо, воплотивший оба Завета в своих бессмертных картинах.

И если у Вас неудачи в жизни, Вам тяжело, хотя ещё недавно всё было прекрасно, мой Вам совет:

– Станьте у «Лестницы Иакова» всмотритесь в её Ангелов, в саму лестницу, уходящую к небесам, и Вы сразу почувствуете величие замысла и смысл библейской истории, которую сам Иаков долго не мог понять. Ведь лестница – это наша жизнь, мы поднимаемся по ней всё выше и выше. Случается – падаем, и многие уже никогда не встают, но подняться надо и, собрав все силы, карабкаться снова и снова. Мы люди, ведь там вверху, далеко, далеко – прекрасная жизнь, к которой и надо стремиться, несмотря, ни на какие беды, что волнами приливов и отливов испытывают нашу волю.

Но пролетают тысячелетия, а падения не прекращаются. И в пропасть глупости и дикости проваливаются уже целые народы, нисколько не вслушиваясь в мудрые слова вечности...

Мы проходим дальше и... Вот она – Даная, но уже под стеклом, в броне, защищённая от любых проклятий.

Да, это зал Рембрандта, и мы стоим очень долго, не в силах оторваться от художественной и мифологической красоты. Но что говорить о нас, сам Пушкин позаимствовал кусочек из мифа, написав прекрасную «Сказку о царе Салтане». И хотя историки и филологи ссылаются на русский фольклор, не стоит забывать, что в бочку оба царя засадили: один дочь и внука, а русский – жену с сыном. Ну и... в море – Окиян. А дальше по Пушкину: «...и растёт ребёнок там не по дням, а по часам. ...Поднатужился немножко: „Как бы здесь на двор окошко нам проделать?“ – молвил он, вышиб дно и вышел вон». Правда, легендарный внук всё же убил своего деда, а русский сын не только встретил красавицу, что не можно глаз отвести, но и женился на ней, а мать вернул отцу!!! Да и Настенька в «Аленьком цветочке» – простила сестёр. А Психея своих сестёр зарезала, всего-то, за каплю горячего масла из лампы, разбудившей Амура. Вот так-то. Дикие были нравы, дикие. Господа, будьте добрее.

А в другом конце зала – «Блудный сын», к которому, в своё время, ломились толпы поклонников, велик Рембрандт!

Совсем рядом – «Жертвоприношение Авраама» и Ангел, остановивший руку отца... Мы покидаем Ван Рейна и оказываемся перед Советской лестницей, которая ныряет двумя рукавами маршевых пролётов на площадку, а уже оттуда, сливаясь в один поток – к первому этажу музея у набережной Невы.

Здесь, в далёком прошлом, входили члены Государственного Совета, почившего вместе с Царской властью, которая так и не поняла, что, пытаясь сохранить феодальный строй, она закладывает фундамент будущего здания НКВД. И своими руками строит железную дорогу к дому Ипатьева в далёком Екатеринбурге.

Эх, Россия, Россия, куда несёшься ты?

Лично мы можем унести только в двух направлениях – влево или вправо. Сегодня, на распутье, у перил лестницы стоит Малахитовая ваза, и на ней не напишешь: «Направо пойдёшь – коня потеряешь, налево пойдёшь – невесту встретишь...». Протокол президента настаивает на левом варианте, мы так и сделаем, но, как говорилось в мультфильме «Паровозик из Ромашково»: «Каждый рассвет – единственный в жизни, и если мы не увидим рассвет, то можем опоздать на всю жизнь».

Вот и я настаиваю:

– Если мы не увидим то, что находится в залах справа, мы потеряем нечто очень важное и единственное на всём Белом Свете.

Разве есть вторая «Юдифь» Джорджоне? Или «Кающаяся Мария Магдалина» и «Даная» Тициана? Нет, и никогда уже не будет.

Но то, что блистает в лучах Петропавловского шпиля, вообще не имеет слов. Есть только три имени, которые знает весь мир: Леонардо да Винчи, «Мадонна Литта» и «Мадонна Бенуа»!!!

В истории нашей цивилизации есть имена, которые будут вечными всегда: Александр Македонский, да Винчи, Рафаэль, Жюль Верн, Пушкин, Толстой, Гагарин. И нет смысла говорить о каждом, они говорят сами за себя.

Вот и я помолчу. Смотрите и любуйтесь!!!

А когда потрясённые и восхищённые, Вы вернётесь к вазе, я поведу Вас дальше, уже строго по плану, не отступая ни влево, ни вправо. Мы пойдём своим путём...

Всего несколько шагов, и нас ослепляет невиданный по красоте Павильонный зал.

Не знаю, как для кого, а для меня он самый красивый, да и единственный в Эрмитаже, оставивший глубокую рану в сердце простого инженера. Но о ране чуть позже.

Павильонный зал Малого Эрмитажа был создан в середине XIX века. В нём есть всё: и античность, и ренессанс, и слёзы востока. А как великолепно сочетается светлый мрамор с позолотой лепного декора и нарядным блеском хрустальных люстр!

О, люстры – это особый разговор. Своими золочёными формами с богемским хрусталём, они заполняют верхнее пространство зала, мерца алмазными гранями и создавая иллюзию подвесок королевы, витающих во всём объёме, уходящем к небесам. Павильонный зал проходной, и у каждого входа, под арками, висит люстра.

Они поменьше главных, но выполнены в том же золочёно-богемском стиле.

Через пару страниц мы вернёмся к одной из них, но, думаю, уже будет поздно!

Поздно, Валя, поздно!!!

Зал украшают четыре мраморных фонтана – вариации «Фонтана слез» Бахчисарайского дворца в Крыму.

Мой рассказ не о любви, но раз уж мы подошли к этому уникальному явлению, то не удержусь рассказать легенду о любви, увядшей в султанском гареме.

В те времена, когда Россией правила Екатерина II, Крымским ханством владел жестокий и себялюбивый хан Крым-Гирей. Однажды, он приказал своему придворному живописцу Омеру, выходцу из Ирана, создать памятник у мавзолея своей погибшей возлюбленной наложницы, который мог бы плакать, пронеся имя хана через века. Живописец выполнил волю правителя, но сделал это по-своему. Он посвятил свою работу тем женщинам, чья молодость и красота погибли за решетками ханского гарема. Мусульманская религия запрещает изображать человека или иные живые существа (это прерогатива Аллаха!), и Омер, прибегнув к символическому, вырубил в мраморной плите глубокую нишу, символизируя этим глубину женского горя. Наверху, в нише, он высек цветок, а по краям – чашечки-лепестки. Из цветка, словно из женских глаз покатались капли – слезы, ниспадая на лепестки, как по щекам пленницы гарема. Так камень словно ожил – фонтан заплакал... А внизу, у подножия фонтана, Омер вырезал улитку, она на короткое время задерживала воду в фонтане, тем самым, утверждая, что власть хана не вечна и уйдет, как вода... Власть Гирея, действительно, оказалась очень короткой!!!

В южной части зала в пол вмонтирована мозаика – копия пола, найденного при раскопках древнеримских терм.

И как продолжение зала – стеклянные двери на юг, в висячий сад.

Но самым потрясающим экспонатом, являются часы «Павлин», которые и по сей день считаются одними из самых знаменитых технических устройств Государственного Эрмитажа, приобретенные Екатериной II. К тому же – это единственный в мире крупный автомат XVIII века, дошедший до нашего времени без изменений и в действующем состоянии!!!

Опять же, звукоусиливающую аппаратуру к «Павлину» устанавливал наш сектор. И теперь, через сотни лет, золотая птичка заливается на весь зал, как и её друзья, ведь они были первыми роботами, но сделанными так надёжно и от всего сердца, что вызывают неподдельное восхищение даже в двадцать первом веке, чего не скажешь о современных птичках, тоже «золотых», но падающих сразу после старта...

За Державу обидно!!!

...После этих слов, Шурик, выдавив скорбное: «Птичку жалко!!!», заплакал горькими слезами...

Ах, белое, белое Солнце пустыни. Могло ли ты знать, что после выхода фильма на экраны, станешь талисманом успешных стартов наших космонавтов, и каждый раз, отправляясь в полёт, они снова будут смотреть легендарное «Белое солнце...», гордясь своей державой. Но сегодня им за державу, почему-то, обидно. Жизнь оказалась намного сложнее фабрики грёз, и в ней победил Абдулла, а не красноармеец Сухов...

Пошли дальше.

Выходя из зала, обернёмся назад и бросим затуманенный красотой блеска взгляд на исчезающую девственность архитектурного шедевра, поклонимся уму и рукам, создавшим его.

Наша цель близка, минут пять и Тронный зал поглотит нас строгостью и исторической торжественностью, но, не будем торопиться, заглянем в цепочку небольших залов, которые

хранят «Неведомые шедевры». Да, да, часть тех самых, что были вывезены в конце войны и оставлены в России навсегда. Это картины из частных коллекций, что и стало причиной их невозврата.

Что же такого неведомого хранят эти залы? Что может находиться на сих неведомых дорожках, неужто, следы невиданных картин? Почему, заходя в них и любуясь яркостью красок, льющихся из небольших полотен, постоянно удивляешься той грубой критике, что была выплеснута на художников сто пятьдесят лет назад, но сегодня так почитаемых во всём мире? А, ведь всего-то, ругали за то, что внесли они в искусство свежесть и непосредственность восприятия жизни. Что обратились к изображению мгновенных, выхваченных из потока реальности ситуаций духовной жизни человека, за изображение сильных страстей, одухотворение природы, интерес к национальному прошлому, стремление к синтетическим формам искусства.

В своём фельетоне, вот кусочек: «Обои в зачаточном состоянии более закончены, чем этот морской пейзаж», критик Луи Леруа обозвал отступников импрессионистами, в честь названия одной из первых картин нового стиля, Клода Моне.

С тех пор, правда, через много лет, это направление стало яркой красотой льющегося счастья. Для импрессиониста не так важно, что изображено на рисунке, но важно как изображено! Если судить по их картинам, то жизнь – это череда маленьких праздников, вечеринок, приятных времяпрепровождений за городом или в дружеском окружении. Импрессионисты одними из первых стали рисовать на воздухе, не дорабатывая свои работы в мастерской. Как сказали об одном из них, Ренуаре: «Это живописец счастья!», которое льётся из всех полотен, откуда чёрный цвет был, просто изгнан, оставив радугу

семи цветов солнечного спектра.

Да, в этих залах Огюст Ренуар, Сезанн, Клод Моне, Эдгар Дега, Камилл Писсарро, Альфред Сислей, Берта Моризо, Эдуард Мане.

«О, сколько нам открытий чудных готовит просвещенья дух»... Просвещайтесь, граждане, просвещайтесь и Ваша жизнь станет намного интересней!

Покинув французских художников, пройдемся по Министерскому коридору, любуясь огромными гобеленами и войдем в Фельдмаршальский зал, где помещены парадные портреты русских фельдмаршалов, чем и объясняется его название. С конца XVIII в., когда рядом с дворцовой церковью был построен новый Тронный Георгиевский зал (куда мы и направляемся), возникла необходимость придать парадный вид всем помещениям по направлению к главной Иорданской лестнице. По ней поднимались во второй этаж приглашенные лица (вспомните визит кузнеца Вакулы за черевичками царицы, всё было натурально, съёмку разрешили в ночном Эрмитаже). И это во многом определило место возникновения Петровского, за ним Гербова залов, а также Военной галереи двенадцатого года.

Но это всё слева. А всего в двух шагах, справа, главная лестница Эрмитажа – Иорданская. Почему Иорданская, да всё очень просто. Есть одна библейская дата, которая в России приходится на лютый январь, и это Крещение, которое в Петербурге, как и во всей стране, сопровождалось особым ритуалом. В столице таким местом была Нева у Зимнего дворца, напротив Петропавловской крепости. Во льду вырубалась обширная полынья, над ней сооружался временный деревянный храм с широкой террасой и открытой галереей. На террасе священники совершали молебен, а на галерее размещали знамена гвардейских полков. Их приносили для освящения водой из проруби – так называемой Иордани. После Обедни в Зимнем дворце высшее духовенство во главе с митрополитом выходило на Иордань – служить молебен с водосвятием. Затем появлялись сам Император и Великие князья (женщинам Николай II запретил страдать в крещенские морозы). Высший иерарх опускал в воду крест. В это время из пушек Петропавловской крепости и на Стрелке Васильевского острова давали салют 101 залпом. Считалось, что в этот момент вода в проруби мгновенно становилась святой, и все по очереди подходили испить ее, несмотря на то, что уже тогда вода в Неве не отличалась чисто-

той. По совершении водосвятия митрополит окроплял святой водой всех присутствовавших, а также полковые знамена. После этого Император принимал Крещенский парад – мимо него церемониальным маршем проходили войска, и царская семья возвращалась во дворец...

Что касается величия Иорданской лестницы, то главный вход в Российскую империю мог быть только Самым, Самым, поскольку ни Растрелли, ни Стасов ерунды не создавали, да и Россия была огромным и сильным государством!!! А пройдя по парадным ступеням во второй этаж, Вы на всю жизнь запомните Золотоносную красоту Главной лестницы дворца, уходящую к вершинам Власти!!!

Ведь когда к ногам этой Власти упали запорожские казаки, а вместе с ними и кузнец Вакула, просвещённая царица приказала:

«– Встаньте!

– Не встанем, Мамо! – взмолились казаки, – Умрём, но не встанем!».

Вот он – Золотой век российского самодержавия!!!

И раз уж мы вошли во дворец и оказались в Фельдмаршальском зале, то двинемся дальше – в зал Петровский, созданный в благодарность потомков великому Реформатору, где дух Петра витает, и по сей день.

Ведь его реформы сделали Россию Великой!!!

А чтобы представить красоту и великолепие внутреннего убранства зала, намекну, что создавал его великий Огюст Монферран. Вы правильно подумали. Да, да, тот самый зодчий, который построил Исаакиевский собор и установил Александровскую колонну на Дворцовой площади.

Это он поднял с земли и поставил на прочный фундамент Царь-колокол в Москве... Те иностранцы возводили великую Россию.

А такие русские, как Василий Стасов восстанавливали её во дни торжеств и бед народных.

Пересекаем огромный Гербовый зал и вспоминаем Пушкина:

«У русского царя в чертогах есть палата

Она не золотом, не бархатом богата;

Не в ней алмаз венца хранится за стеклом;

Но сверху донизу, во всю длину, кругом

.....

Толпою тесною художник поместил

Сюда начальников народных наших сил,

Покрытых славою чудесного похода

И вечной памятью двенадцатого года».

У нас часто ругают царей, что, порой, и заслуженно, но в истории Великой Державы случались даты, которые были не просто историческими, а судьбоносными для всего Мира. И эту судьбу решали русские генералы и солдаты. Здесь наши императоры всегда были на высоте. И если одерживали победу, то свято чтили её в веках. А память о подвигах увековечивали, как назидание врагам, да и будущим забывчивым потомкам. Вот так и появилась в Зимнем дворце Галерея 1812 года.

Триста портретов победоносных генералов, да во всю стену Император Александр, предупреждают иностранцев, входящих в Большой Тронный зал: «Вы уж, ребята, с мечём к нам не наведывайтесь – а то, от меча и погибните!!!».

На чём стояла, на том и будет стоять русская земля!!! Как и великая Александровская колонна с Ангелом – Хранителем, оберегающим Святой Петербург!!!

И пересекая Галерею Двенадцатого года, мы попадаем в Большой Тронный, названный при Екатерине II «Светлой галереей», затем Большим залом.

Этот зал служил местом для торжественных аудиенций, принесения присяги членами императорской семьи по достижении совершеннолетия, празднеств в честь георгиевских кавалеров, для заседаний Георгиевской кавалерской думы, для парадных обедов (в углу зала устроена подъемная машина для подачи кушаний и посуды из нижнего этажа, где находилась главная кухня дворца). В этом же зале в 1906г. Николай II произнес тронную речь к членам 1-ой в России Государственной думы. На противоположном от входа конце зала устроено место для трона, к которому ведут ступени, а на стене, над тронном, помещен барельеф, изображающий Георгия Победоносца, откуда и последующее название зала – Георгиевский.

Вот в этом историческом и красивейшем зале Эрмитажа, завтра в полдень, на этот раз уже президент России, произнесёт речь и подпишет документ, в котором он лично берёт Эрмитаж под своё «крыло», дав слово всегда заботиться о его дальнейшем процветании.

Да, забыл сказать: из всех дворцовых залов – Георгиевский – это единственный архитектурный шедевр, в котором узор потолка полностью повторяется узором напольного паркета, создавая иллюзию звёздного неба, упавшего на гладь зеркального

«тронного озера»...

А по всему периметру, на большой высоте, зал окольцован золочёными хорами – балконами, опирающимися на мраморные колонны. Что поднимает потолок – плафон ещё выше и где, с противоположной стороны от трона, играл оркестр, а то и пел хор, наполняя царственный объём праздничными звуками.

...Перелистав эти страницы, нетерпеливый читатель обязательно ухмыльнётся, не найдя ничего ожидаемого о моём уголовном прошлом. Действительно, какой же уголовный рассказ без преступления, следователя и драки. Будет, всё будет, просто, рассказывая об Эрмитаже нельзя писать по принципу: пришёл, увидел, победил. И описав некоторые его залы, я уже подготовил читателей к дальнейшему изложению необыкновенных происшествий, случившихся с нами в местах (не столь отдалённых, всего-то километр от станции метро «Невский проспект»), где ничего подобного происходить не должно. Но... вся наша жизнь игра и кто ж тому виной... нет, я не увлёкся этой игрой. И потом, из тысяч читателей, а осьминок Интернета запустил свои щупальца по всему миру, очень немногие были в Эрмитаже и, читая рассказ, они обязательно захотят его посетить.

Знаете, как взметнулись конкурсы в университеты на археологические факультеты всего мира после триумфа Шлимана, а позже, приключений Индиана Джонса? На порядки!

Вот, пускай, и мой рассказ станет маленькой рекламой красивейшего музея Мира!!! Ведь там работают мои друзья.

А теперь коснусь технической стороны вопроса. Мы инженеры, не сотрудники научных отделов, и наша главная задача – обеспечение бесперебойной работы всей системы видеонаблюдения да звукоусиливающей аппаратуры, и создания дворцовых условий для гостей, посещающих Эрмитаж, любующихся только красотой художественных шедевров, но не замечающих «шедевров» электронных.

В начале двадцать первого века охранные телекамеры стали столь миниатюрными, что без опытного взгляда, просто растворялись в зальных интерьерах, ничем себя не выдавая, при этом, выписывая такую качественную картинку, что в восьмидесятые годы прошлого столетия этим не могло похвастаться даже московское Останкино. Сегодня все камеры цветные, (где Вы видели чёрно-белый музей?) а в те, далёкие девяностые, большая их часть была чёрно-белой, но в важнейших местах Эрмитажа, мы постарались воспроизвести золото и краски Эпохи Возрождения, что обходилось музею в кругленькую сумму, хотя суммы выставленных красот вообще не имели предела. Красоты были бесценными.

В Георгиевском зале висели четыре камеры фирмы «Panasonic», каждая по две тысячи долларов США, что по тем временам – неплохие «Жигули». Они были приличных размеров, но поскольку находились на большой высоте, над хорами-балконами, то совершенно не броса-

лись в глаза, к тому же, обладали отличной цветопередачей и качеством изображения. Постороннему человеку добраться до них было весьма затруднительно, а положить руку на сердце, могу сказать – совершенно невозможно, и они бдительно несли службу, до того исторического момента, пока Президент не удостоил нас своим посещением.

Вот тут и начинается самая настоящая детективная история.

Я же обещал, тем, нетерпеливым читателям...

Итак, «Поехали!!!», – выкрикнул Юрий Гагарин и улетел в бессмертие...

Первому космонавту Земли 12 апреля было двадцать семь лет, мне – тринадцать, а будущему Президенту России – тридцать. Молодой Ельцин был строителем, я обожал астрономию, и все ночи напролёт смотрел в телескоп на звёзды. Ничего общего; да и в разных концах страны жили эти два человека. В тот звёздный день, в самом начале космической эры, ни Борис Николаевич, ни я, не могли и подумать, что встретимся в Большом Тронном зале Зимнего дворца, но уже не в Российской империи и не в Советском Союзе, а «просто» – в Российской Федерации. Правда, меня Президент страны видел только мельком, но к его выступлению свою руку приложил именно я!

...Вспоминаете детективную историю «Берегись автомобиля»? Знаю, вспоминаете:

«В этот вечер Максим Подберёзовиков двигался в неизвестном направлении. Из другого конца города, в ещё более неизвестном направлении, шагал Юрий Деточкин. Они шли навстречу Судьбе. Они сближались».

Вот и мы, медленно, но неуклонно сближались тоже. А те события, что произошли в результате этого сближения нельзя ни в сказке сказать, ни пером описать. Но я постараюсь именно описать, зачем же я Вам столько всего наобещал? Хотя, если честно признаться, я уже забыл, что такое перо.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается!!!

Что касается дела, то «Дело» будет!!!

Итак, суббота, лето, конец двадцатого века.

Государственный Эрмитаж.

В зале трое – я, Коля и... охрана Президента (человек десять). Витя – две недели, как в отпуске, и мы крутимся вдвоём, но этот пробел несколько не ухудшает качества нашей работы, а производительность труда только возрастает. Уж слишком высока ответственность.

...В связи с этим, позволю себе маленькое лирическое отступление: когда в Эрмитаж приезжал президент США Билл Клинтон, нас в музей вообще не пустили. А вокруг дворца колесил американский БТР.

Уж очень насторожило заморских гостей, что бывший ракетчик да специалист по каким-то марсианским каналам, которых, оказалось, и вовсе нет, подвизались ставить микрофоны их главе государства.

Этого американцы допустить не могли. А, вдруг, они – засланные казачки?

«Ку-ку, Гриня!!!».

Так что, в тот день я копал грядки у себя на даче, а Коля, живя в Петергофе, любовался фонтанами, куда Билл тоже нагрязнул со своей любимой Хилари... только вот, любимой ли?

И, естественно, в момент визита, к фонтанам кроме воды никого не пустили.

Однако о русском премьер-министре Путине ничего такого не скажешь. Став Президентом, он часто бывал в Эрмитаже (коренной ленинградец), и мы всегда стояли рядом, ну не рядом, а метрах в десяти. При этом, никогда не чувствовали террористической напряжённости ни в залах, ни за их пределами. Всё было торжественно и спокойно. Как ни как, а... «потомок» самого Штирлица, да Иоганна Вайса!

«Щит и меч» – это святое при любом политическом строе.

Да, умом Россию не понять.

И давайте начнём в Россию верить!

С этого момента события начинают разворачиваться с такой быстротой, что нормальный писатель мог бы спокойно уложиться в одну страницу. Но не тут то было. Ваш покорный слуга, человек – ненормальный. И укладываться в три слова Цезаря, я не собираюсь. Это он победную битву сжал до: «Veni, vidi, vici!!!». Молодец, ничего не скажешь; а подробности, а число погибших с обеих сторон?

Так же и Борис Николаевич пришёл, увидел Эрмитаж и победно подписал документ. А что произошло между тем моментом, как он ступил на первую ступеньку Парадной лестницы и его размашистой подписью на документе, он уже никогда не узнает, а жаль.

Случилось же следующее...

В десять утра вся аппаратура была не просто подключена, а полностью работала и Коля, уже в который раз, подходя к микрофонам, повторял:

«Профессор, конечно, лопух, но аппаратура при нём. Как слышите, приём?!».

Это была обычная проверка, что успокаивало не только нас, но и службу Президента.

За сорок минут до появления высоких гостей, мы включаем музыку – Чайковского, громкость небольшая, но для нас это индикатор качества работы.

Я уже писал, что Георгиевский – зал особый по всем показателям, и поскольку его имперские традиции успешно продолжались, то по решению руководства музея, именно в нём была установлена очень дорогая стационарная аппаратура, к которой, стоило подключить микрофоны, и Паваротти мог запеть, как у себя на родине в «Ла – Скала». Впрочем, ... уже не запоёт. Хотя для этого есть эрмитажный театр, и заметьте – театр императорский!!!

Время шло. Скоро к Эрмитажу подкатит Борис Николаевич, мы доложили, что всё отлично и офицер из службы охраны предложил нам подняться на хоры, чтобы смотреть церемонию оттуда.

– Да, – предупредил он, – не вздумайте делать резких движений, Вы понимаете, почему.

Что касается этой фразы, то, однажды, «свои резкие движения» я испытал на себе. И случилось это ровно за год до приезда президента.

Также было лето, пора отпусков и я остался один. А тут приезжает европейский принц (уж какой не помню) с семьёй, двором и личной охраной.

Торжественная часть проходила в ротонде – классическом круглом зале, уходящем к небесам сферического плафона, расписанного в древнеримском стиле.

У основания плафона – кольцо балкона, люстры и несколько дверей, лучами убегающие в соседние залы.

Я установил аппаратуру, и чтобы не создавать неудобств, задействовал радиомикрофон. Всё хорошо, ждём. Заходит принц, Михаил Борисович, гости. Директор Эрмитажа подходит к микрофону и коротко, «минут так на сорок» (шутка), рассказывает о высоком госте. После этого выходит принц, начинает говорить, ... а в ответ тишина. Микрофон отказал. И тут срабатывает ... инстинкт, какой к чёрту инстинкт – инженерный долг, я бросаюсь к принцу, чтобы заменить батарейку, хотя в микрофоне стоит совершенно новая, делаю всего пару шагов, и ... замираю, схваченный двумя охранниками.

После секундной задержки выжимаю из себя: «Мне надо заменить батарейку!».

Охрана молчит (они ж русского языка не понимают), и тогда Михаил Борисович вступает за своего электроника:

«Отпустите, это наш сотрудник!».

Отпускают, я быстро меняю батарейку, микрофон рычит. Все хлопают, все смеются. Только мне не до смеха, это первый случай отказа в присутствии высоких гостей. Правда, уже на следующий день мы купили новые микрофоны, чтобы от греха подальше...

Так что, резко бросаться к своему Президенту мы не будем. Себе дороже...

...И в этот момент в самое сердце бьёт дефибриллятор!!!???

Замолкает одна колонка!!!

(Для нас, вспоминаете, я писал: «...озвучивание подобного мероприятия – ерунда»), но это если всё, как по маслу.

А если завтра война? А если бы я вёз патроны?

Так вот, упали тогда метеорит, мы бы даже не обернулись.

Наступил момент истины! И как огненные метеоры, мы бросаемся к тому месту, где она висит, и видим, что из зажима колонки выскочил провод. А это в четырёх метрах от паркета.

О, сюжет!!!

Думать некогда, соображать тем более, и я, срываясь пулей, вылетаю из зала через дверь у Трона (это второй выход из Георгиевского), пересекаю маленький зал Аполлона, бегу по галерее вдоль Висячего сада, взрываю своим пролётом (вот уж накаркал) Павильонный зал, отражаюсь в Малахитовой вазе и, впорхнув в кладовую, где хранятся стремянки и всякая ерунда, хватаю высокую лестницу на колёсиках и с той же скоростью устремляюсь обратно.

И тем самым, совершаю роковую ошибку!!!

Мы сто раз катали лестницу по музею, катали осторожно и до того внимательно, что выезд в автомобиле на равнозначный перекрёсток – ничто, по сравнению с теми правилами вождения в лабиринтах Эрмитажа, которые диктуют окружающие ценности. И это работает на уровне врождённого рефлекса. Но если кто-то в этой цепочке действий изменит хотя бы один элемент, да я ещё бегу в состоянии «аффекта» или «эффекта», чёрт его знает, то именно этот добавленный элемент и рвёт цепочку. А добавлена была, всего-то, защитная рамка безопасности, которая сразу подняла высоту лестницы на метр. Вот этот метр я и не заметил.

Передо мной расцветает Павильонный зал, арка... И, вдруг, вся неземная красота взрывается хрустальным звоном. Я ещё ничего не понимаю, но вижу, как стоящая у Павлина группа японских туристов резко поворачивается в мою сторону и лучшие в мире видеокамеры, да вспышки фотоаппаратов начинают снимать редчайшее явление природы: сотрудник Эрмитажа разбивает красивейшую люстру. Не дай Бог, кому-нибудь, испытать такую Минуту Славы. Я поднимаю глаза к небу, и сердце сжимается от осознания содеянного.

Мой мир замирает. И к тому первому несчастью добавляется это – необратимое. Но что значит отказавшая колонка, по сравнению с дворцовой люстрой?

За свою жизнь я видел тысячи звёзд, но представить себе дождь разлетающихся подвесок из богемского хрустала, и алмазную россыпь на паркете Павильонного зала, я бы не смог даже в кошмарном сне. Брюллов со своей Помпеей просто отдыхает.

Всё остальное происходит, как в тумане.

Подбегает смотрительница зала. «Как, зачем, сейчас здесь будет Ельцин?!».

Я показываю пропуск, «Запишите, вот фамилия, отдел. Да я тоже бежал из-за Ельцина, у нас отказала аппаратура, тут рядом, в Георгиевском, и не заметил...».

Через секунды выбегают сотрудники Павильонного зала, меня просят быстро уехать в Тронный зал и заняться своим делом. Ведь у всех сейчас одна задача, и она главная. Женщина-смотритель идёт впереди меня, направляя и указывая проход между люстрами. «Вас одного отпускать сейчас нельзя, иначе хрусталём будет усыпан весь зал, хотя, если честно, то Вы не первый... Для нас это самое больное место, да и разбились только нижние подвески». Огибая колонны, мы выходим на простор галереи, где зацепить уже ничего нельзя и моя спутница исчезает где-то сзади.

Я влетаю в Георгиевский зал, Коля хватается за лестницу, и тут я сообщаю:

– Коля, я в Павильонном зале разбил люстру!

Но Коля ничего этого не слышит, он уже наверху, вставляет провод в гнездо замка, и Чайковский сообщает, что всё нормально, лебединое озеро стремительно разливается по паркету, поднимается к потолку, и маленькие лебеди, в своём классическом танце, быстренько уплывают подальше от российской власти.

Я выключаю музыку, и сверху раздаётся стеклянный хруст – это до Николая, наконец, доходит, что где-то недалеко рассыпались подвески и их осколки оказываются у него под ногами.

А уже через пару минут мы стоим на хорах и видим, как входит Борис Николаевич, его свита, директор Эрмитажа, и всё мероприятие, прописанное в протоколе, скользит, как по маслу!!!

Через полчаса торжества затихают, гости растворяются в эрмитажных залах, Георгиевский пуст, только наши микрофоны да уходящие сотрудники службы безопасности музея.

Тишина.

Мы спускаемся вниз, отключаем, убираем, и в этот момент входят электрики и просят лестницу.

– Ребята, – говорю я, – забирайте её скорее, она уже своё дело сделала. Чтоб она пропала, эта чёртова люстрокосилка.

Электрики удивлённо смотрят на меня, но я замолкаю. Не тот случай, чтобы трубить на весь музей. Мы прощаемся и уходим в отдел, однако наш путь, как, ни крути, лежит, опять же, через Павильонный. Делать нечего.

Мы входим под арку, я весь в напряжении, та люстра, что над нами, была не тронута, а моя крестница прямо впереди, но... она цела, на паркете чистота, кругом люди и, как, ни в чём не бывало, к нам подходит смотрительница:

– Ну что, сильно испугались? Успокойтесь, на такой случай у нас есть запасные подвески. Вы не успели дойти до Тронного зала, а мы уже всё заменили и убрали.

Я извиняюсь, всё объясняю, но понимаю, что эта рана ещё очень долго будет беспокоить душу и, просыпаясь по ночам, буду видеть летящие с небес алмазы. Да, не подумайте, что всё так просто закончилось. Нет, и вызывали, и писал объяснительную. Но это – рабочая случайность. Бывает.

«Два происшествия в один день, это уж слишком», – думаем мы, выходя из зала, но проходя у «Святой Троицы», вдруг, начинаем сомневаться в этом «уж слишком», и не зря.

Над нами уже висит меч правосудия, который является в образе сотрудника службы безопасности музея, бывшего полковника ФСБ, и сообщает:

– Ребята, я не стал Вас беспокоить всю эту неделю, но президент уехал и можно заняться текущими делами. Куда делась четвёртая камера из Тронного зала? Уже несколько дней с неё нет сигнала, мы просмотрели записи, картинка резко обрывается, но рядом она никого не зафиксировала. Вчера пошёл посмотреть; камеры нет. Правда, смотрел снизу, может Вы её переставили...

А вот теперь, мой дорогой и внимательный читатель, обрати внимание на нашу реакцию. Сегодня мы, как кремень, как две скалы, как самые опытные инженеры, которые в головах держат свою аппаратуру до винтика. Мы знаем и помним каждое действие и поминутно можем рассказать, что, где и когда с ней произошло. Хоть посылай нас со знатоками на телевидение. Угадаем чёрта!!!

– Да там она висит, – без сомнений отвечаем, – мы сейчас были на хорах. Минуту назад, как спустились. Куда она может деться?

– Давайте всё же проверим, – говорит, сотрудник, – и я буду спокоен, и Вы, если камера отключилась, исправите и сдадите нашей службе.

Мы разворачиваемся и снова повторяем президентский маршрут. В Тронном уже полно туристов, мы выходим на середину зала и... наблюдаем самый настоящий полтергейст — материальный объект по кличке «Panasonic», как корова языком слизала.

Чудеса начинаются!

Минут через пять, перед нами то – самое место, где когда-то висели две тысячи долларов, где есть кронштейн, есть розетка питания, а самой камеры нет, и куда посторонний человек уж никак попасть не может.

Чертовщина какая-то!!!

Дальше в голове сплошная каша, мы ходим из нашего отдела в службу безопасности, просматриваем видеозаписи, проверяем время выхода из строя именно этой камеры. Идём на пульт сигнализации, переписываем всех, кто за этот период заходил на хоры Тронного зала (компьютер всё помнит). А туда наведывались и мы, и электрики, и другие службы, как нашего отдела, так и всего Эрмитажа.

Уже в полном отчаянии идём в отдел Гостеприимств музея и задаём всего один вопрос:

– Какие крупные мероприятия были в Эрмитаже за последние две недели, но только в Георгиевском зале, и до Ельцина.

Перебрали, посмотрели, и оказалось, что было два торжества, что на хорах играл военноморской оркестр, что через два дня после этого, на другом празднике – там же пел хор. Но каждый раз было много гостей, бдительно несла службу безопасность музея, и съём камеры исключался в принципе!!!

К вечеру, обойдя, пересмотрев, переговорив и прикинув все за и против, приходим к выводу, что камеру, всё-таки, сняли. Но вот, кто? Выходит, что украли.

Через два дня, нас вызывают в службу безопасности и сообщают, что по факту пропажи камеры возбуждено уголовное дело. Следователь уже здесь. Ему предоставлена комната, он будет находиться в Эрмитаже столько, сколько нужно и первыми на допрос он вызывает Колю и меня.

Коля заходит в кабинет, я жду почти час, и всё это время перебираю допустимые варианты пропажи камеры, но в голове, будто прошлись пестицидами. Чистая грядка, и никаких зацепок.

Выходит Коля.

– Ну, как, – спрашиваю, – хоть нас-то не подозревают?

– Кажется, именно нас! Ладно, иди, Пуаро ждёт.

Меня никогда не допрашивали, не подозревали и не обвиняли. При моей прошлой специальности я был чист, как стёклышко, а если читать по анкете, то – не был, не состоял, не привлекался, родственников за границей не имею, не хочу, не буду... и т.д., и т.п.

Но это ещё не всё. В моей жизни было множество анкет, однако, устраиваясь на работу в Государственный Эрмитаж, пришлось, заполнить такую, которая не снилась, даже первому отделу закрытого института. Вот тогда я и понял, что охрана культурных ценностей, порой, превосходит уровень охраны тайн научных, а иногда и военных. Видать в прошлом распродали столько мировых шедевров, что, наконец, спохватились и опустили железный занавес на всё, что веками копили, коллекционировали и приумножали, осознав, что сегодня эти вещи почти сплошь – бесценны. А значит, допускать к ним можно только хорошо проверенных людей. Хотя сама жизнь неоднократно доказывала и продолжает доказывать тот факт, что заполнив даже самую предвзятую анкету, никогда не удаётся заглянуть в душу человека, ведь душа – это сплошные потёмки.

Так что, входя в кабинет следователя, я был совершенно спокоен, пребывая в полной уверенности, что вопросы будут касаться только технической стороны нашей работы.

Вначале так и было. Следователь представился, сообщил, что он занимается делами, связанными с хищениями музейных ценностей, а Эрмитаж – это вообще музей особый, и он постарается довести это дело до судебного конца.

Ну и, как полагается в детективном жанре, прозвучали слова: «Вначале я обязан задать Вам несколько вопросов, которые помогут мне, для начала, как войти в это дело, так и разработать наиболее правдоподобную версию, хотя... версий может оказаться и несколько».

Не знаю, был это допрос или беседа, но в конце, касаясь пропажи, следователь дал понять, что ему всё равно, что искать – камеру или картину. А свою речь закончил весьма прозрачным намёком:

– Это сегодня пропала охранная камера, а завтра «Блудный сын» опять пустится гулять по свету, и ещё неизвестно, вернётся он снова в отчий дом, или исчезнет навсегда в чьей-то частной коллекции. Так что, Вы хорошо подумайте, прежде чем отвечать на мои вопросы, а я их буду задавать и часто, и много.

Вот так начался отсчёт дней, которые, по мере возрастания, добавляли всё новые и новые факты в папку «Дела». А оно распухало даже быстрее, чем число этих самых дней, которых оказалось всего-то семь – ровно неделя.

Почему же всё завершилось так быстро и непредсказуемо? Кто сумел в такой короткий срок разрубить этот загадочный Гордиев узел, распутывать который, пришлось бы бесконечно долго?

Не поверите, но этим человеком оказался Витя, отдохавший в это время, в далёкой деревне, и чья память не была затуманена визитом Президента, разбиваемой люстрой и уголовным делом, что напрочь выбило память нашу. А она, как я уже писал, порой, бывает очень коротка и субъективна.

Прошла неделя, наступил новый понедельник. Мы с Колей сидим на рабочем месте, перебираем наши мытарства, как, вдруг, заходит Витя, после отпуска, загорелый, отдохнувший и... с большим фингалом под глазом.

Естественно, первый вопрос о фиолетовом синяке. Витя покрутился, увёл разговор в сторону, и мы поняли, что в отпуске произошло нечто неординарное, да и, возможно, случайное. В таких выкрутасах наш друг никогда не был замечен.

Слово за слово и мы подошли к самому главному. Витя нас выслушал, но восприняв криминальную новость, как весьма загадочное и лично ему совершенно непонятное событие в нашей телевизионной жизни, предложил немедленно сходить в зал.

И инженерная троица отправилась на экскурсию. Приближаясь к «Бермудскому треугольнику» наших несчастий, поведали товарищу про визит Президента, разбитую люстру, о допросах и версиях, предупредили, чтобы он тоже готовился поведать свои мысли следователю, и замерли на лебедином паркете, устремив свои взоры в небеса обетованные.

Помните, я писал, что в тот недавний момент, мы с Колей были, как кремень, как две скалы, утверждающие, что камеру не трогали и не снимали. Ну что же, и кремень, и базальтовые скалы рухнули в секунду. Для этого хватило всего нескольких Витиных слов:

– Ребята, Вы что? Мы же её сами сняли, она сгорела. Чем Вы тут занимались, если всё забыли? Да и в службу безопасности сообщили. Вспоминайте, Иван Григорьевичу, он ещё со мной в один день в отпуск ушёл. Камера лежит у нас в шкафу. Там их штук пять сгоревших. А заглянуть туда у Вас ума не хватило?

И тут на нас снизошло озарение. Господи, мы всё вспомнили, всё до секунды. Но тут же в голову ударила мысль: немедленно в отпуск, иначе – психбольница!!!

А дальше, всё элементарно просто. Забегаем в отдел, открываем шкаф, а «Panasonic» спокойно спит, ему уже ничего не надо, а вот нам надо и даже очень. Мы прижимаем японское дитя к груди и несёмся к следователю.

Как ты думаешь, дорогой читатель, какова будет реакция сыщика, если к нему вваливаются три «подозреваемых», при этом у одного подбитый глаз и орут, что камера нашлась, что они просто забыли и несут всякую ерунду.

Следователь внимательно нас выслушал, походил туда-сюда по кабинету, улыбнулся и произнёс речь, достойную Шерлока Холмса:

– А теперь я Вам расскажу, как было дело. И если что-то упущу, добавьте.

Итак, перед отпуском, Витя тихонько ворует камеру, но прячет в музее. Он надеется, что вернувшись из отпуска, пропажу не заметят, а уж если и заметят, то всегда можно вернуть. Я продолжаю. Камера дорогущая. Я за такие деньги недавно купил участок, и не гденибудь, а на Карельском перешейке. Соображаете, ведь в музее не обязательно покушаться на картину. И хлопотно, да и опасно. Её ещё надо продать. А сбросить камеру, не проблема. Любая частная фирма купит за тысячу. Естественно, долларов. Но пропажа обнаружена, заведено дело, это уже серьёзно. Витя возвращается из отпуска, а тут такое! Коля, как начальник, начинает спрашивать: что, да как? Но Виктор молчит. И тогда, чисто по-русски, Николай применяет силу. Витя сдаётся, и Вы здесь.

Ну, как? Я ничего не пропустил?

Дорогой читатель, вот он классический дедуктивный метод Шерлока Холмса. За тысячу километров от Петербурга Витя получает в глаз (правда, как мы узнали потом, его обидчик тут же угодил в канаву) и этот удар становится тем недостающим звеном в уголовном расследовании, которое тут же использует наш сыщик, разложив преступление по полочкам, доказав, что иногда очень полезно читать уголовную классику. Поклонимся сэру Артуру Конан Дойлу!

Тут уж я срываюсь и выдаю:

– Если, всё именно так, мы бы к Вам не прибежали. А просто выбросили камеру в Неву и дело с концом. Но камеру никто не воровал... да и, вспомнил, сотрудник службы безопасности в курсе. Позвоните в отдел. Совсем замотались. А если в чём и виноваты, то лишь в своей глупости.

Звоните начальнику службы. Скажите, пусть спросит у Ивана Григорьевича. Он с Витей вместе уходил в отпуск. Должен сегодня вернуться.

Конечно, был звонок, расстроенное лицо следователя и почти пятиминутная тишина.

А в моём мозгу в этой тишине закружились слова великого Паскаля: «Человек – это лишь тростник, самое слабое создание природы, но тростник мыслящий, и если бы Вселенная решила уничтожить человека, он всё равно был бы благороднее той силы, которая его убивает, ибо он знает, что умирает. Вселенная же не знает об этом ничего!».

Так почему же мы, эти два разумных человека, своими руками сочиняли глупейший приговор. Это следователь ничего не знал, а мы сами принесли ему наше «Дело» на блюдечке.

Тишина продолжается, следователь сидит, понурился, думая о чём-то своём и не очень приятном: «Сорвалось такое дело, вот она – Золотая рыбка, уже держал в руках; раскрыл хищение из самого Эрмитажа. А теперь всё летит к чёрту: повышение, особо важные преступления и слава на всю Россию!!!».

А тут ещё Ваш покорный слуга со своими комментариями:

– Вот Вы – сыщик, конечно, увлекаетесь детективами, хотя бы, в силу своей профессии. А помните «Шведскую спичку»? Тот, чеховский следователь, в сердцах и убийственном (для следствия) окончании дела, даже забрал у своего помощника подаренный им портсигар и выбросил в грязь. Ничего удивительного. Искали убитого помещика, а нашли живым и здоровым, только пьяным, да ещё в бане у любовницы. И какой любовницы – молоденькой жены самого начальника полиции, за одно прикосновение к плечам которой, этот самый помощник, отдал бы десять лет жизни!

А чего стоят слова Акульки: «Жила я только с Вами и больше ни с кем!!!».

А!!!

Но ведь жила она, не только со следователем, а почти со всеми героями рассказа. Так что, не расстраивайтесь. Это даже прекрасно, что в нашей истории ничего подобного на допросах не зафиксировано.

Мы тоже искали украденную камеру, а нашли её у себя в шкафу, сгоревшую и снятую нами же. Так что, давайте расстанемся друзьями, а эту детективную историю будем вспоми-

нать, как назидание и хороший урок забывчивым инженерам. Иначе, следователи поселятся в Эрмитаже на годы. И кто-нибудь, обязательно сядет!!!

Следователь встал, окинул взглядом великолепный музейный кабинет, в котором он провёл несколько дней, остановил свой следственный взгляд на двух незадачливых инженерах, потом пожал нам руки и вполне серьёзно произнёс:

– Повезло Вам, что сейчас не тридцать седьмой, ну да ладно, будем считать эту историю несчастным случаем на производстве.

– Да уж, – отреагировал я, – но в тридцать седьмом не было, ни камер, ни президентов, ни нас, ни Вас. Да и зачем возвращаться в прошлое? Эдак мы повторим знаменитый диалог:

«– ...и сорвал торжественное открытие Дворца Бракосочетаний.

Затем, на развалинах часовни...

– Простите, часовню тоже я развалил?

– Нет, это было до вас, в XIV веке».

– Но мы же с Вами знаем, что в XIV веке – кельи были, приюты отшельников были, а вот Эрмитажа не было!!! И появился он только через четыре сотни лет.

Следователь улыбнулся и добавил:

– «Кавказскую пленницу» Вы помните хорошо, да и кто её не помнит. Но вот когда в следующий раз будете снимать сгоревшую камеру, записывайте в журнал, а то Ваша память снова сыграет злую шутку. Прощайте.

И мы остались одни. Но это не стало концом наших приключений. То, что случится через пару дней, напомним нам последние слова сыщика, и они окажутся пророческими. Ведь в отличие от нас он прекрасно знал, что человек, однажды оступившись, может повторить подобный эксперимент ещё раз, положившись на русское «Авось». И результат может оказаться отрицательным. А всем известно, что, как в науке, так и в юриспруденции – отрицательный результат – это тоже результат. Только если в науке, отрицание прошлого может подтвердить новую теорию, тем самым, совершив переворот в умах всего учёного мира, то, оступившись дважды, можно схлопотать приличны срок, и переворот произойдёт только в жизни рассеянного экспериментатора.

Но два инженера об этом не думали. Их сердца и души потихоньку приходили в себя. Камера нашлась, Президент остался доволен. Вот люстра, да, это уже серьёзно, но и тут обошлись минимальными потерями.

И всё же, что-то давило, что-то не давало спокойно работать и жить, как прежде. Видимо все несчастья, свалившиеся на нас в последние дни, уж очень глубоко резанули и сердца, и сознания, а это в один миг не проходит.

Два дня, после ухода следователя, пронеслись, как пули у виска, слава Богу, не задев наших голов, и мы потихоньку стали забывать допросы, хотя в отделе, то и дело, и подшучивали, да и посмеивались, но в любом случае, никто не злорадствовал, в нашей огромной стране случалось и не такое.

На второй день без допросов, от руководства отдела поступило указание: вечером в семь часов обеспечить микрофонами очередную презентацию во дворце Петра.

Я много писал о Зимнем, Эрмитаже, о том, что окружает эти исторические постройки, бывшие главными в нашей империи, но сегодняшний Зимний дворец – это пятый. А самый первый для Петра был построен в 1711 году, и назывался «Зимним домом», он стоял в ста метрах от Невы и смотрел главным входом и окнами на сегодняшнюю Зимнюю канавку. Перед ним было поле, а дальше, на приличном расстоянии – Адмиралтейство.

Чуть позже прокопали Зимнюю канавку, соединив реку Мойку с Невой (это там, где через сто лет жил Пушкин и где он скончался) и, если смотреть на Неву, то справа построили второй Зимний дворец, где Пётр и умер, передав власть своей жене Екатерине.

Шли годы, императоры и императрицы, сменяли друг друга, и при Анне Иоанновне появился дворец, который и занял то место, куда так стремятся все почитатели искусств и истории нашей страны.

Тот второй дворец Петра был разрушен, на его месте построили эрмитажный театр, и как-то незаметно о дворце забыли. Но через много, много лет, производя реставрацию театра, откопали фундамент того самого дворца и... восстановили петровскую память. Конечно, всё это великолепие находится внутри основного здания, но дворец открыт для туристов, и очень часто его арендуют для всевозможных мероприятий. Хотя и сам Эрмитаж нередко устраивает там свои праздники...

Ещё днём мы установили микрофоны. Оставалось только включить и постоять рядом, пока будут литься речи, затем тихонько всё убрать и уехать домой.

В шесть вечера, закончился рабочий день, все разошлись по домам, а мы остались вдвоём, Витю отпустили (троим, там делать нечего), и решили зайти в «Бочку», время было: посидим, выпьем кофе с осетринкой и тем самым скоротаем время.

Уже выходя, я вспомнил, что наша видеочамера две недели лежит у Коли на столе и не мешало бы её отнести в отдел. Предложение было принято, Коля захватил сумочку с «Панасоником» и мы вышли на улицу. Направо дорога вела в Эрмитаж и ко дворцу Петра, а налево в «Бочку».

Два инженера решили так: зайдём в кафе, потом, не теряя времени, забежим в отдел, закроем камеру в шкаф и к нашим микрофонам. Мы так и сделали.

Спустившись в подвальчик, застали большую группу нашего отдела за столом. Для них рабочий день закончился, и ребята могли попить пивка, кофе, соки, кто-то ужинал, шла болтовня, смех, и наше появление их очень обрадовало. Усевшись за соседний столик, такой же длинный, у стены, Коля положил камеру на скамейку. Больше за столиком никого не было, и мы расслабились, утонув в мигающих огоньках иллюминаций. Заказали кофе, осетрину... и заболтались с нашими друзьями.

Минут через сорок попрощались, долго пожимали руки, пожелали хорошего отдыха и медленно пошли к Эрмитажу. Дойдя до Зимней канавки, почему-то не перешли на другую сторону, а завернули ко дворцу Петра и через час, отработав торжественную часть мероприятия, уже шли обратно.

Дальше было метро, у Коли электричка, дом, ужин, телевизор и я заснул.

Думаю, каждый человек в своей жизни хотя бы раз просыпался в состоянии какого-то необъяснимого страха или его предчувствия. Ты резко просыпаешься, сердце барабанит, на душе каменная тяжесть и осознание чего-то непоправимого и страшного.

Вот так и я ровно в два ночи проснулся и понял, что случилось нечто ужасное, но что? Мысли проносились, как раскалённый пепел Помпеи, как меч, занесённый палачом.

И тогда я всё вспомнил: мы забыли в кафе наш «Panasonic»!!! Это был выстрел в самое сердце. И оно сжалось до размера атома. Не помня себя, я побежал на кухню, набрал Колин телефон и стал ждать. Коля спал крепким сном, он ещё был в неведении. Наконец трубку сняли.

«Слушаю».

«Коля, это я, мы забыли в «Бочке» камеру!!!!!!!!!!

То, что полилось потом, переводить не будем. Но телефонные провода раскалились до белого каления. В конце концов, договорились так: в шесть утра встречаемся у кафе и ждём то ли сотрудников, то ли уборщицу, лишь бы кто пришёл. А там уж сообразим на месте.

В пять утра я прыгаю в машину и лечу на Миллионную. Улица пуста, но красная пятёрка Коли уже у кафе. Вышли, поздоровались и задались только одним вопросом: «У нас что, совсем крыша съехала? Только недавно забыли, как сами сняли камеру со стены, теперь, заболтавшись, и вовсе оставили вещь, ещё дороже той, охранной». В общем, разговор был длинным и самокритичным. Успокаивало только одно: авось пронесёт. А пронестись, могло только

в одном случае: если за столик никто не сел, а если и сел, то не позарился на наше (на эрмитажное) добро.

Проходит час, два, в восемь изнутри открывается дверь, и выходит парень, уборщик. Взглянув на нас, он странно улыбается. Мы к нему: «Так и так, мы вчера забыли в кафе видеокамеру «Panasonic». Показываем пропуски, что мы из Эрмитажа, что камера музейная, в общем, несём всё подряд: не пили, вышли, заболтались с друзьями и напрочь забыли о камере.

Парень, заводит нас в кафе, нагибается за барную стойку и... достаёт нашу пропажу. Думаю, то, что мы пережили в это мгновение, поймёт любой, читающий эти строки. И вот сейчас, через годы, я, пожалуй, не смогу это выразить словами, не получается, хоть как ни велик и могуч русский язык. Мы хватаем подарок Судьбы, благодарим, роемся по карманам и, в знак благодарности, даём парню рублей триста, всё, что было с собой. Но в те годы это были деньги. «Выпей за нас, да и за себя. Ты не представляешь, как ты нас спас!!!».

Мы тут же бежим в отдел, на телефонной станции круглые сутки дежурит наша сотрудница, прячем камеру в сейф, чтобы от греха подальше, и только тогда осознаём весь ужас, если бы камера не нашлась.

Но она нашлась, она на месте, и мы, проклиная свою память, уходим на рабочее место. Белая ночь уже давно перешла в солнечное утро, и Эрмитаж заискрился в его переливах, а Миллионная озарилась радугами поливальных машин и блеском асфальта. Новый день наступил.

В обед, сидя в столовой, Коля размышляет:

– Сегодня за руль лучше не садиться, пускай машины постоят здесь. У меня до сих пор руки дрожат.

– А у меня, вообще, всё дрожит, – добавляю я и продолжаю, – Коля, какие же мы идиоты!!!

– Эт точно, – говорит Коля словами красноармейца Сухова и, выпив обеденный компот, предлагает, – пошли, пройдемся по музею, ничто так не успокаивает, как Великое Искусство!!!

– А уж это Искусство, – добавляю я, – пережило такое, что нам и не снилось. Пошли... Я знаю, куда мы пойдём. Есть одна моя любимая картина, я как-то о ней рассказывал.

Мы пошли по музею и, дойдя до Октябрьской лестницы, поднялись в третий этаж.

Здесь, перед нами парила Немезида – богиня Возмездия.

– За что же ты нас так долго преследуешь? – задаёмся мы единственным вопросом.

Но в зале гробовая тишина. Молчит богиня.

Мы смотрим на летящую с белыми крыльями женщину, в одной руке у которой меч, а в другой струятся песочные часы, отсчитывая последние секунды жизни преступника, и понимаем, что сегодня она пролетела мимо, пожалев инженеров и на этот раз.

Легче на сердце не стало, душа не согрелась, и мы ушли к себе на Миллионную.

...А уже там, с трудом дождавшись шести вечера, закрыли отдел и спустились в «Бочку». Было одно желание – выпить, чтобы забыть мнимую пропажу, допросы следователя, Витин подбитый глаз, звон и брызги богемских подвесок люстры Павильонного зала и обычную российскую глупость – заболтаться и оставить в кафе дорожную вещь, по международной кличке – «Panasonic».

...С тех пор у нас ничего не пропадало, люстры продолжали радовать своим целомудрием и мы уже никогда ничего не теряли.

А в «Бочку» заходили с одной лишь только целью: выпить чашечку кофе, как говорил Андрей Миронов, да попробовать свежей осетрины, но только первой свежести, как настаивал всемогущий Воланд.

Минуло пятнадцать лет, я вернулся в свою космическую специальность...

Но страна к тому времени, уже стала совсем другой...

А из маленькой двери Зимнего дворца, как-то тихо и незаметно, вышли революционные матросы и солдаты, чтобы уже никогда туда не вернуться, и растворились в праздной толпе Дворцовой площади.

Они тоже стали другими...

«Что тебе снится, крейсер «Аврора», в час, когда утро встаёт над Невой?

Что тебе снится...?».

Но спит «Аврора», спит Дворцовая, спит Эрмитаж...

Революций, похоже, не предвидится.

Хотя бы на выходные

«– Сашенька, Сашенька! Читаю твои письма и понимаю, что хотела бы приехать к тебе, хоть на выходные...»

Из одного моего рассказа.

«– Может быть, твой жизненный путь, Верочка, пересекла именно такая любовь, о которой грезят женщины и на которую больше не способны мужчины»

А. Куприн «Гранатовый браслет»

К своим сорока годам, Александр Скворцов женился и развёлся, не посадил ни одного дерева, не родил ребенка и не построил дом.

Жена, устроившись, однажды, на новую работу, влюбилась в богатого бизнесмена и в считанные дни ушла к нему, оставив Александру двухкомнатную квартиру и машину. В её новой семье такого добра было в избытке.

Для Саши это был удар, да такой сильный, что отошел он от него только года через два. Успокоиться, он успокоился, но на сердце осталась такая одинокая печаль, что очень часто, ночами, он просыпался и не ложился до утра, переживая горе, постигшее его в самом расцвете своих лет.

К женщинам можно относиться по-разному. Это зависит от воспитания, национальных обычаев, глупости, дурости и многого другого, что делает одних, любящими до безумия, с глубоким уважением остальных, и полным презрения других, считающих женщину просто бабой.

Александр относился к тем мужчинам, для которых все женщины были святыми. Ну, а уж любимая, была просто богиней, во всех отношениях. И когда его богиня ушла к другому, он долго не мог понять, почему, куда исчезла её любовь?

Это «почему», возникает каждый раз, когда две любви превращаются в одну и та, оставшаяся одинокой, не находит себе места в пропасти, возникшей между ней, горящей в огне безысходности, и той, что ушла навсегда.

Она не может понять: как, почему и зачем часть её жизни, часть её мыслей и чувств, часть её тела и души, вдруг, оторвалась и исчезла. Растворилась и ударила в сердце таким острым и одновременно тупым ножом, что возникшая боль, заставляет стонать круглые сутки, полностью выбивая человека из жизни, делая его своим рабом. И эта человеческая боль не сравнится ни с чем, она самая страшная и незаживаемая. Она становится хронической на месяцы, годы, а иногда и на всю жизнь.

И вот теперь она пришла к Александру. Свою жену он считал святой, и твёрдо был уверен, что счастье будет вечным, любовь волшебной, а жена верной.

Но всё это рухнуло, растаяло и ушло в бесконечность, туда, откуда назад дороги нет, и откуда ушедшая любовь уже никогда не позвонит и не скажет: «Я очень тебя люблю, приезжай!».

Александру бывшая жена, как раз, звонила и довольно часто. Звонила, чтобы выписаться, развестись, узнать, как он живёт один. А он всё ждал и ждал, надеялся, обманывал себя, считая это случайностью или мимолётным флиртом. Но время шло, проходили дни, месяцы, год. И уже через два года он понял, что и его любовь растаяла и испарилась, а рана от ножа зажила, кровь перестала капать на душу, образ, когда-то любимой женщины, исчез в тумане, а жизнь, наконец, приобрела определённый смысл.

Смысл заключался в одном: он встретит её, новую любовь, обязательно встретит. И торопить эту встречу нельзя. Сколько бы ни прошло времени, он знал, что это случится. Случится в тот самый момент, когда душа будет готова полюбить опять, на этот раз, уже несколько

не ошибаясь и не раскаиваясь. Но, что самое главное, это произойдёт неожиданно и негаданно, именно в ту секунду, когда её совсем не ждёшь...

Саша был экономистом. Он закончил экономический факультет университета, был распределён в научный институт экономики и финансов и через пять лет стал начальником отдела. Отдел занимался анализом экономических рисков, общитывал пол страны, и эти расчеты делали двадцать пять человек. В основном это были женщины, мужчин – всего пятеро, но коллектив был дружным, женщины красивыми, а мужчины воспитанными.

Своего начальника они уважали, некоторые обожали, а руководство института видело в нём перспективного руководителя.

Так прошло ещё два года. Наступили Новогодние праздники. Тридцатого декабря, как всегда, сдвинули столы, накрыли бумагой. Расставили посуду, и к трём часам дня стол ломился от яств, бутылок с шампанским, водкой и вином. Женский коллектив был не только прекрасным поваром, но и безотказным стабилизатором нормы алкоголя, что позволяло всегда заканчивать праздники весело, довольно трезво и дружелюбно.

Уже когда вечер подходил к концу, когда почти всё было выпито и съедено, когда все, кто хотел, натапцевались и насмеялись, захотелось посидеть, поболтать, да и просто отдохнуть. В одном конце стола запели, в другом заговорили, а одна, самая весёлая и озорная девушка, вдруг, спросила начальника:

– Александр Николаич, а о чём Вы мечтаете, что бы Вы хотели от Нового года? Представьте, что к Вам приходит Дед мороз со Снегурочкой и предлагают исполнить любое Ваше желание. Ну, ответьте на мой вопрос, здесь, перед всем коллективом? Мы ждём, может, и мы Вам в чём-то поможем.

Наступило тихое молчание. Те, кто пел, закрыли рты, кто болтал, рты открыли. А Александр, будто ждал этого вопроса. Конечно, сказался коньяк, новогоднее настроение, почти родной коллектив, и... он ответил:

– Я очень хочу любить, любить до безумия, страдать, заботиться. Спать с моей любимой только в обнимку, как бы горяча она ни была. Просыпаться утром и целовать её. Потом бежать на кухню и делать ей завтрак. Собираться вместе на работу и постоянно восхищаться её красотой, ежеминутно повторять, как я её люблю. Застегивать молнию на её сапожках и целовать коленки, повторяя: «Береги свои красивые ножки». Каждый час звонить и говорить о любви. Ходить вместе по магазинам и покупать ей самые красивые вещи, а потом восхищаться и восхищаться. Целовать её ручки и ножки, глазки и губы. И постоянно повторять слова любви. Радоваться новой её причёске, новой помаде, новым туфелькам и босоножкам. Сходить с ума от ее фигуры и её красоты во всем. Обнимая, смотреть в самые красивые глаза на свете. Перед сном, долго болтать, и в поцелуе засыпать. Сгорать всем сердцем, думая только о ней. И чтобы она меня любила так же!

Саша замолчал и посмотрел на коллег. Это было что-то! Сотрудники молчали, будто их всех лишили дара речи. Женщины раскрыли рты и глазами, полными любви, смотрели на человека, так запросто сказавшем о самом сердечном желании каждого. А у некоторых даже выступили слёзы. Тишина продолжалась долго.

Наконец, та, самая озорная, тихонько произнесла:

– Александр Николаевич, да вы знаете, что после таких слов, наши женщины станут на колени и признаются в том, что Ваши мечты, это их самое заветное желание которое и есть настоящим счастьем!

Вдруг, затрещали хлопушки, брызнули спирали серпантина, и полетело:

– С Новым годом, с новым счастьем!!! Пусть в Новом году любовь снова войдёт в Ваше сердце!!!

В этот предновогодний вечер женщины отдела увидели в своём руководителе совсем другого человека. В их глазах вознёсся выше он главою одинокой Александрийского столпа!

Ровно через сутки, сидя в одиночестве, в своей квартире, за новогодним столом, Александр смотрел на фужер с шампанским и чувствовал, что встречает Новый год уж очень печально. Прошло четыре года, как ушла жена. Он добросовестно работал, встречался с друзьями, ездил в отпуск, но всё это было не то.

Счастье совместной жизни с любимой женщиной он вкусил в полной мере. Он знал, что за его спиной всегда есть надёжная стена. Та стена, что всегда закроет его от тоски и печали, всегда согреет теплом своей любви. В любой момент подарит самые ласковые слова и нежные поцелуи. Он знал, что значит лететь домой с работы, чтобы скорее обнять её, прижать к сердцу и любоваться её красотой. Просыпаться ночью и видеть её рядом.

А когда всё это есть, то и работа спорится. И ты всегда в прекрасном настроении, и жизнь течет так незаметно и счастливо, что представляется бескрайним морем, не имеющим берегов, а дни и ночи, чередуясь, преподносят всё новые и новые секунды радости, каждая из которых стоит целой жизни.

Но сегодня ничего этого нет. Саша не спешит домой, его там никто не ждёт. Он не покупает цветы, не дарит подарки. Его ничто не интересует, жизнь превратилась в какое-то бесконечное однообразие, где есть только день и ночь, день и ночь, и никакого просвета впереди.

Начинался пятый год без жены, без любимой женщины и нежнейшего создания, обещавшего вечное блаженство семейной жизни.

Этой праздничной ночью Александр сидит за столом и думает, что такое печальное настроение в Новогоднюю ночь продлится весь год, и ничего хорошего ожидать от него не стоит.

В голове кружились слова: «В моём доме чёрти что, любимая женщина чёрти где, и чёрт его знает, что ждет меня в Новом году».

Так думал он, сломленный годами пустоты, но Тот, кто мерил жизнь бесконечностью, думал иначе.

Он уже принял решение, запустив этот Новый год, и именно в нём Александру будет подарено счастье, которое упадёт с Небес, дабы вернуть ему забытые чувства.

Первая половина года, пролетела без каких – либо всплесков. Пошла вторая. Утром, первого июля, Александра вызвал замдиректора по науке и предложил съездить в Москву на симпозиум по проблемам инвестирования в Российскую экономику.

– Твоя задача будет заключаться в добросовестном посещении заседаний и конспектировании заинтересовавшего материала. Извини, но послать больше некого, начались отпуска. Доклады готовят профессора и академики, так что спокойно поезжай, развейся. Две недели, и сам пойдешь в отпуск. Зато закроешь мне эту брешь.

И через два дня наш герой уже спал в «Красной стреле», уносившей его в случайную и загадочную поездку.

Устраиваясь в гостинице, он узнал, что петербургская делегация включала двадцать человек, что будут представители из всей страны. Для симпозиума был снят кинотеатр и что первое заседание начнется завтра в десять утра.

За полчаса до открытия экономисты стали усаживаться на свои места, они были указаны в документах, которые каждый получал в фойе. Все делегации сидели группами, а их положение в зале совершенно не соответствовало географическому положению городов, пославших их на это мероприятие.

У Александра оказалось крайнее левое место его коллег, слева были места тюменской делегации. Их представители уже уселись, но кресло, что рядом с Сашей было еще пустым. Кто-то из соседней группы еще не пришел.

Но когда этот человек появился, наш герой понял, что его сердце вспыхнуло, застучало и рвануло из груди. Так оно отозвалось на идущую к нему женщину. Она, конечно, шла не к нему, а на своё место, что было слева, но это была она, та, которую он ждал четыре года,

и которая появилась так внезапно, что всё это мероприятие вмиг померкло, а в зале остались только двое: Александр и Елена Павловна, чьё имя повторили все тюменцы, здороваясь с единственной женщиной своей группы.

Мужчины вставали, пропуская её, она тоже здоровалась, подошла к пустующему креслу, очень дружелюбно поздоровалась с Александром, села и стала осматривать зал. Она, конечно, не знала, что творится в душе у мужчины, сидящего справа. Таких как он был полный зал, а то, что один из них сидит рядом, еще ничего не значило.

Он украдкой бросал на соседку восторженные взгляды, и не мог налюбоваться.

А любоваться было кем. Тёмно серый костюм так удачно выделял её пышную фигуру, что добавить к этим коротким словам, было нечего. Розовая блузка с ажурным воротником, дополняла её столичный наряд, а причёска делала головку до умопомрачения волшебной. Её огромные, сияющие глаза, сжигали соседа справа такой красотой, что пылающее сердце уже не раз повторило: «Саша, это она!».

Он стал своим взглядом опускаться ниже, её шея, золотая цепочка с крестиком, её плечи и грудь, её пальчики, держащие папку...

И вдруг, обручальное кольцо на правой руке. Это был удар, удар в самое сердце, которое мгновенно сжалось, а душа прошептала:

«За что, ну, почему? Встретить в шестистах километрах от дома, мгновенно влюбиться, и именно в ту, которая живёт так далеко, да к тому же, и замужем».

Саша перевёл взгляд на президиум, перед ним опять загудело людское море, и он вернулся на бrenную землю.

А женщина, как назло, повернулась к нему и спросила:

– Вы из Петербурга? Какие Вы счастливые, для меня Ваш город – только мечта.

В это время председатель объявил об открытии симпозиума и все замолчали.

В течение всего дня они еще несколько раз перебросились словами, а после окончания заседания разлетелись по Москве.

Но около семи часов вечера, случайно, встретились в гостинице, легко разговорились, речь зашла о белых ночах. И Елена Павловна попросила рассказать об этом чуде. Александр был неплохим рассказчиком, и это повествование закончилось предложением погулять по городу, когда Москва будет погружаться в вечерние сумерки. Вот эти сумерки он и представит своей спутнице, как позднее время питерских белых ночей.

Далёкая знакомая сразу согласилась, сама не зная, почему, но этот человек вызывал такое доверие, что ей очень захотелось погулять по столице с мужчиной, несколько не боясь быть заподозренной в измене мужу.

А они так прекрасно провели вечер, что повторили это еще несколько раз, были в ресторане, в кино, случайно взяли билеты в Театр Сатиры. И к отъезду почувствовали, что, разлетевшись в свои города, им будет не хватать друг друга и очень сильно. Тогда состоялся обмен телефонами и адресами, было сказано много слов о счастье такого знакомства, несколько не переходя на признания в любви. Но быстрые и яркие взгляды в глаза, всё же, выдавали что-то тлеющее в её груди и пылающий огонь его сердца...

...Москва плавилась от зноя. Автобус подкатил к зданию аэропорта и люди просто вылились из него, уставшие и потные. Вышли и тюменцы. Они быстро проскочили в стеклянные двери и, наконец, почувствовали небольшую прохладу. Залы гудели от человеческих голосов, объявлений дежурной, далеких свистов реактивных двигателей и топанья ног.

Вскоре объявили регистрацию, пассажиры выстроились в очередь, быстро её прошли и уселись в ожидании посадки. До неё оставалось минут тридцать. Мужчины сняли пиджаки, достали воду. Елена Павловна расстегнула пуговички пиджака и стала обмахивать себя журналом. Все молчали, жара, чтоб она пропала.

Внезапно, у Елены Павловны запел телефон. Она достала его из сумочки и посмотрела на имя абонента.... В ту же секунду рука плотно прижала трубку к уху, и она тихо сказала:

– Это я, слушаю.

А из эфира прозвучали так ожидаемые слова:

– Елена Павловна, я здесь, рядом. Поднимитесь на второй этаж, лестница слева. Не более чем на пять минут. Я бы хотел попроситься.

Она посмотрела на кипящих от жары коллег.

– Дочка позвонила. Попросила купить московских шоколадок. Я быстро.

Лена пошла к лестнице, взбежала по ступенькам и столкнулась с ним. Александр стоял с букетом роз, весь в волнении. А что тут удивительного, это было настоящее первое свидание, пускай и на пять минут.

– Это Вам, очень хотелось многое сказать, но все слова куда – то пропали. Знаете, что, пропустите мимо ушей то, что я скажу, Вы мне безумно нравитесь. Между нами Ваша семья, но я очень хотел сказать Вам эти слова, очень. Сейчас мы разлетимся в разные стороны, и возможно никогда уже не увидимся. Может, иногда, позвоним, поздравляя с праздником. Но я решил, что если не скажу этих слов, потеряю что-то очень важное в своей жизни.

Лена взяла цветы, прижала их к груди:

– Звоните, я буду ждать.

А потом произошло невероятное. Она приблизилась к его лицу, поцеловала Сашу в щеку и побежала вниз.

Коллеги тут же налетели с расспросами, откуда цветы, неужели московский поклонник?

– Да нет, – задумчиво сказала Лена, – это я сама решила привезти доченьке цветы, как – никак, из столицы. А вот шоколада в буфете, почему-то не оказалось, – и она медленно подняла голову вверх.

А он стоял у перил и смотрел на женщину, единственную, так сильно понравившуюся за четыре года одиночества, что хотелось сбежать вниз, обнять её и при всех признаться в любви. Но этого Александр позволить себе не мог.

В этот момент прозвучало объявление о посадке. Пассажиры, улетающие в Тюмень, встали и двинулись к выходу на лётное поле.

Елена Павловна взяла себя в руки, чтобы не обернуться, и исчезла за дверью. Уже подходя к самолету, услышала звук SMS, но телефон не достала. И только когда самолет оторвался от земли, она прочла коротенькое: «Сообщите, как прилетите. Я очень волнуюсь».

Лена улыбнулась, закрыла телефон, потом закрыла глаза и впервые за многие годы ощутила себя по-женски счастливой.

Когда же, через два часа, самолет приземлился в аэропорту «Рошино», Лена первым делом, перед выходом, набрала в телефоне коротенький текст и нажала кнопку «Отправить».

Тут же пришел ответ: «Целую, счастлив, поехал на вокзал, я ждал в аэропорту».

– Господи, сумасшедший, неужели в моей жизни появился человек, который так сильно меня любит? – тихо прошептала она и пошла к выходу.

В сердце творилось что-то невероятное.

...Но, чтобы понять это «невероятное», окуплюсь в жизнь нашей героини.

Лена закончила Тюменский государственный университет по специальности «Экономика и финансы», закончила на отлично. Работала в экономическом отделе одного из районов города и, однажды, по заданию руководителя, сделала анализ движения финансовых потоков в районе, да так успешно и объективно, что в администрации города, прочитав его, вызвали того самого руководителя и задали прямой вопрос: «Кто это сделал?». Будучи чиновником опытным, сей руководитель, без колебаний назвал Елену, опасаясь, что вопрос имеет негативную причину. Но, на этот раз, интуиция его подвела и на второй день, уже Елена Павловна, сидела в городской администрации, раздумывая: «Принять или отказаться от заманчи-

вого предложения перейти на работу в городское правительство, в экономический отдел». Она приняла правильное решение, и вскоре стала заметной фигурой этого отдела.

Сразу после университета Лена вышла замуж, за парня, с которым вместе училась. Родилась дочь. Получили квартиру, это когда Елена Павловна стала работать в городском правительстве. Как жили? Да жили, как все. Но проходили годы. Чувства утихали, любовь, как-то ушла на второй план. Муж, толи из зависти, или в силу характера, становился всё злее и придирчивее. Ему не нравилось, что жена, имея высокую должность и зарплату, в какой-то мере, была выше его. Такое положение в семье его очень бесило, раздражало и, вскоре, семейная жизнь превратилась в элементарную обязанность: работа, зарплата, дочь, обеды, ужины, иногда поездки к морю, но без той былой страсти и нежности, что сопровождали семью в первые годы жизни.

И когда Елене предложили съездить на симпозиум в Москву, она, не раздумывая, согласилась и улетела, даже не догадываясь, что там, в столице, она встретит друга, которого уже не забудет, так как с ним подружится в Москве.

Поэтому, прочитав SMS от Александра, её душа, конечно встрепенулась. И то невероятное, что творилось в этой душе, было закономерным и естественным, ведь она была женщиной и женщиной очень красивой. А красоту нужно любить, и любить всем сердцем.

Дома она долго обнимала и целовала дочку. Подарила ей цветы и подарки. Муж просто поздоровался, и ушел спать. А она весь вечер проходила по квартире, думая о чем-то далёком и прекрасном.

Через два дня это «далёкое и прекрасное» заиграло в телефоне мелодией вызова, и знакомый голос сказал:

– Здравствуй, Лена! Я рад, что ты хорошо долетела. Ты опять в семье, а значит, счастлива.

– Спасибо, Саша, я счастлива, подарила Катеньке твои цветы. Они стоят в её комнате.

– Ты разрешишь мне звонить? Хотя бы иногда, и по электронной почте слать письма? Я постараюсь тебе не надоедать.

Наступило молчание, а потом Лена прошептала:

– Ни в коем случае...

– Что, ни в коем случае, не звонить и не писать?

– Глупый ты, ни в коем случае не пропадай, звони, пиши, чтобы я знала, что ты рядом, что ты есть. Да, да, я счастлива. Счастлива, что в моей жизни появился ты!

На этом телефон замолчал, а на другой стороне линии вспомнился поцелуй в аэропорту, потом, эти слова, сказанные секунду назад, и одинокое сердце стало потихоньку оттаивать, согреваясь теплом, идущим из далёкого сердца, которое тоже нагрелось. Но, что будет с этими сердцами через день или месяц, уже никто предсказать не сможет.

На другой день Елена Павловна вышла на работу. Казалось бы, всё, как всегда, но вернувшаяся женщина, уже была другой. Теперь её беспокоило только ожидание. То ожидание, что волнует всю душу, сжимает сердце, если сегодня не дождался, а, получив долгожданную весточку, эта же душа летает на крыльях и ждет снова и снова.

Лена перенастроила телефоны. На свой, личный, она завела только два номера и два имени. Первый – Катенька, а второй – Саша.

И теперь она постоянно смотрела на трубку: вдруг, пропустила SMS или звонок. На два этих номера она установила свою музыкальную мелодию вызова, и если от Кати: «Кабы не было зимы в городах и сёлах...», музыка пела часто, то: «Благодарю тебя...», от Саши, всё молчала. Да, она ждала, ждала постоянно, такого ожидания в её жизни ещё никогда не было. Она чувствовало себя двадцатилетней девушкой, впервые осознавшей, что такое ждать того единственного, и от того, единственного, хотя бы: «Здравствуй, Лена!».

Электронная почта была настроена так, что с приходом сообщения, в какой бы программе она ни работала, на экране вспыхивал огонёк.

Сказать, что это пришла любовь, думаю, нельзя. Но сердечные чувства к этому далёкому человеку, разгорались с каждым днём.

А он, этот далёкий, молчал, и не потому, что Лена была ему безразлична. Нет, он уже любил её и любил страстно, но она была замужем, и у них есть дочь. Да, Саша ей нравился, однако, это ни в коем случае не могло быть любовью.

Он уже пережил уход жены, и понимал, что значит развод для обоих супругов, а тут еще ребёнок. Нет, он не сможет разрушить семью. Да и Лена, ни разу не обмолвилась о том, что в семье не всё хорошо.

Но писать и звонить он будет обязательно. Тяжело, не спору, любить и страдать, но, при этом, о самой любви – ни слова.

И Саша стал писать: как он живёт, что нового и интересного происходит в городе. Какие спектакли он смотрел. Как часто посещает музеи. Он жил один, и времени на это у него хватало вполне. Однако, всё это было не то. Очень часто, между строк, он вскользь, касался своего одиночества, осторожно и ненавязчиво, чтобы Лена не заподозрила его скрытых чувств. Ему очень хотелось писать о любви, о том, как он скучает без любимой женщины, которая так далека. Хотелось просто кричать, как он её любит, но... он боялся, боялся, что однажды, в одном из писем, прочтёт фразу, которая отдалит его от Лены бесконечно далеко:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.